

Сад сломленных душ

Автор:

Жоржия Кальдера

Сад сломленных душ

Жоржия Кальдера

Young Adult. Туманы Пепельной Луны #1Туманы Пепельной Луны #1

В королевстве Пепельной Луны боги следят за мыслями людей, а их верный Палач Тень избавляется от всех, кто может представлять опасность. Богов нельзя оскорблять ни делом, ни мнением. Наказание за это – смерть.

Но, видимо, приговоры выносятся не только провинившимся. И Дерево пыток уже не просыхает от крови.

Семнадцатилетняя Сефиза живет только ради мести. С тех пор как ее лишили семьи, она мечтает лишь об одном – освободиться от тирании верховного бога Ориона. Утром Сефиза расклеивает крамольные плакаты, а по вечерам подыгрывает на скрипке тайному незнакомцу. Запрещенные иллюстрации не остаются незамеченными, и гнев бога обрушивается на столицу Империи. Теперь Сефизе предстоит оказать сопротивление и встретиться лицом к лицу с безжалостным Палачом, коллекционирующим людские души...

Жоржия Кальдера

Сад сломленных душ

Georgia Caldera Les Brumes de Cendrelune: Le Jardin des ?mes

© Editions J'ai lu, 2019

Illustration 3e de couverture: © Georgia Caldera

The Book was first published in the French language by Les Editions J'ai lu

© Ефимова Е., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Список песен для вдохновения

Sirenia - «Seven Sirens and a Silver Tear»

Kamelot - «Fallen Star»

Lacrimosa - «Stumme Worte»

Elysion - «Made of Lies»

Thomas Bergersen - «Eternal Sorrow»

Within Temptation - «Raise your Banner»

Leah - «I Fade»

Blackbriar - «I'd Rather Brun»

Beyond the Black - «When Angels Fall»

Cellar Darling - «Redemption»

Sleeping at Last – «Mercury»

Within Temptation и Dave Pirner – «Whole World is Watching»

The Sleeping – «Flesh and Bones»

Enigma и Aquilo – «Amen»

Stream of Passion – «Monster»

Пролог

Услышав, что отряд имперских солдат выходит из Собора вечности, расположенного в нескольких сотнях метров от нашего дома, мы замерли – так происходило каждый воскресный вечер. Я посмотрела на сидящую рядом со мной мать, потом на отца и вдруг поняла, что звук тяжелых шагов вопреки обыкновению не удаляется, а приближается к центру Стального города, столицы Пепельной Луны.

Приближается к нашему кварталу...

Альтаир, мой одиннадцатилетний младший брат – светловолосый мальчуган с румяными, уже начинавшими терять детскую пухлость щеками, – уронил вилку в миску. Металлическое звяканье упавшего прибора прозвучало оглушительным набатом в тишине нашей скромной квартирки, и у нас всех перехватило дыхание.

– Мы прогневали богов, – пролепетал Альтаир. – Уверен, на этот раз они идут за нашей семьей.

– Прекрати, от страха ты болтаешь невесть что, – мягко возразил отец, сжимая руку Альтаира. Однако было видно: папа тоже встревожен. – Мы не совершили никакого греха. Сомнение свойственно человеческой натуре, это основа всех размышлений. Наши сердца не охвачены гневом. За что нас наказывать?

– Кажется, я... испытывал гнев, – заикаясь, пробормотал Альтаир. По его щеке скатилась слезинка. – Когда ты намекнул, что боги, возможно, вовсе не таковы, как мы думаем...

Я ошеломленно хлопала глазами и попыталась в подробностях припомнить тот довольно необычный разговор, что состоялся у нас несколькими днями ранее. Мать закрыла глаза – очевидно, боялась, что их блеск выдаст охватившую ее душевную боль.

Отдаленный звук солдатских шагов становился все отчетливее и постепенно приближался, доспехи неприятно звенели, когда отряд проходил по металлическим мостам, ведущим к центру города.

Я глубоко вздохнула, стараясь не поддаваться подступающей панике. Пусть мне было всего тринадцать лет, но мне хотелось быть такой же сильной, как мой отец. Мне тоже хотелось думать, что простая дискуссия о происхождении божественной природы наших правителей не может иметь каких-то последствий.

Орион, всеведущий бог-император, способный улавливать эмоции всех до последнего своих подданных, карал лишь за гнев и негодование, ибо они лежат в основе всех преступлений, а также наказывал за любое инакомыслие. Поступая так, он давал людям возможность жить спокойно, не боясь одного из тех кровавых восстаний, что бушевали в древности – в далекие-далекие времена – и препятствовали установлению Империи.

Таким образом сохранялся мир.

Эту цену люди платили, чтобы жить в гармонии и возрастая в лоне более дисциплинированного, мирного и благонравного общества, как того желали наши необыкновенные правители.

Раз в неделю определялся список лиц, которые с наибольшей вероятностью могли причинить вред королевству. В этот день на площади перед дворцом устраивалось мрачное действо, неизменно заканчивавшееся смертью.

Такая система действовала на протяжении столетий и за это время убедительно доказала свою эффективность. Однако ожидание ареста преступников – и их последующей скорой казни – по-прежнему оставалось причиной для беспокойства.

Никто из нас не мог предугадать, на кого падет выбор верховного божества...

Хочешь выжить – не оскорбляй богов ни делом, ни мыслью, а посему люди старались служить высшим правителям со всем тщанием, на какое только были способны.

Солдаты приближались к центру замершего в напряженном ожидании города, а я вспомнила, какое испытала беспокойство, когда два дня назад отец усадил нас с братом перед камином. Он открыл сундук, достал из-под стопы старых, ветхих одеял какой-то странный предмет и показал нам.

Отец пояснил, что эта вещь называется «книга», она тайно хранилась в нашей семье из поколения в поколение. Книга состояла из сложенных вместе желтых, местами потемневших листов, покрытых забавными значками, смысла которых я не понимала. А еще в ней были невероятные рисунки, изображавшие неизвестных божеств.

Отец предположил, что это сборник забытых мифов.

Он высказал идею, что в глубокой древности люди, несомненно, имели иные верования, чем в наше время. Потом отец тихо пробормотал себе под нос, что Пантеон, возможно, не всегда был таким, как сейчас, и, вероятно, составляющие его существа – вовсе не единственные божества в этом мире...

Богохульство.

Вот что я ответила отцу, намеренно прервав этот разговор.

Я знала, что он имел в виду – хотел заставить нас понять. Однако я отказалась слушать, вот и все.

Еще ни разу в жизни я не слышала, чтобы кто-то осмеливался оспаривать столь фундаментальную идею, сакральную основу нашей веры и нашего культа, известную каждому человеку в мире, от стен Пепельной Луны до стен Анселада.

Люди о таком не говорили.

Честное слово, только полный идиот, глупец или просто сумасшедший стал бы подвергать сомнению неоспоримые вещи и восставать против очевидного.

Лишь аристократы и духовенство обладали бесценной привилегией приближаться к богам. Большая часть простых смертных, вроде нашей семьи, могла видеть богов только издалека, когда они прогуливались по расположенным на головокружительной высоте балконам, угнездившимся на стенах их огромного дворца.

Впрочем, неопровержимые доказательства их существования и всемогущества были у всех на глазах.

Видя, что я решительно отказываюсь его слушать, отец умолк и больше не высказывал свои смехотворные гипотезы, только смотрел на меня, и в его взгляде читалась необычайная грусть. Он прекратил свои безумные разглагольствования. Впоследствии ни брат, ни мать об этом не упоминали.

Что же до меня, то я выкинула эти преступные мысли из головы.

Начиная с завтрашнего дня, я намеревалась упорно заниматься в Академии священных искусств, дабы достигнуть высшего мастерства в игре на скрипке и однажды почтить своим талантом Ориона и десять его детей – Эвридику, Гефеста и остальных обладавших безграничной властью богов, обитавших в Соборе Вечности.

– С нами ничего не случится, боги всегда действуют мудро, – успокаивающе заметила я, накрывая одной ладонью руки Альтаира и отца, а другой заправляя за ухо прядь длинных волос. – Не станут же они приговаривать к смерти обычного ребенка за одну-единственную сердитую мысль.

– Сефиза права, – проговорила мать, открывая глаза. Она тоже коснулась наших переплетенных пальцев.

Отец вздохнул – очевидно, он не разделял наше мнение.

Ритмичный стук металлических каблуков по окружающим наш район решеткам стал отчетливее. Звук стал почти невыносимым. Он гремел очень близко... Так близко, что вскоре вибрация уже отражалась от пола и тонких стен квартирки; налитая в стаканы мутная вода заколыхалась, ее поверхность пошла рябью.

Неужели я ошиблась?

Если солдаты идут не за нами, то, очевидно, за нашими соседями...

Семья, проживавшая справа от нас, была образцово-показательной, в ней все были Чистыми. Глава семейства погиб в шахте несколько месяцев назад – умер от истощения. Несчастливая вдова безропотно заняла освободившееся место безвременно скончавшегося супруга, предпочтя довольно скромное жалованье шахтерки должности вышивальщицы, которую занимала прежде. Их трое детей были еще совсем маленькими: слишком юные, чтобы питать какие-то недобрые намерения.

Люди, жившие слева от нас, тоже отличались безупречным поведением. Их сын вместе со мной посещал занятия в Академии, его уникальный певческий талант слишком ценен в глазах императора, чтобы им пожертвовать.

Мерные шаги резко остановились на нашем этаже, а потом раздалось три четких удара: закованный в железо кулак загромыхал о нашу дверь, подтвердив наши худшие опасения.

От ужаса у нас округлились глаза, мы все сцепили руки перед грудью. Ни мать, ни отец, ни я не сдвинулись с места, замерев от страха. Только Альтаир – он уже утер единственную скатившуюся по щеке слезу – решился встать из-за стола и направился к двери.

– Нет! – воскликнула мать и дрожащей рукой потянулась к сыну. – Смилуйтесь, нет...

– Это Тень! – вскричал отец, так резко вскакивая из-за стола, что опрокинул стул. – Наверняка это все из-за него! Он так усердно служит богам, что наказывает всех подряд! За то время, что он командует солдатами, Дерево пыток не просыхает от крови!

Отец бросился к Альтаиру и схватил за плечо, пытаясь удержать, но брат вырвался и сурово сдвинул брови.

– Если такова воля наших властителей, я должен ее принять, – твердо заявил он.

Решимость брата показалась мне напускной.

Я медленно поднялась со стула, чувствуя полную растерянность: я не понимала, восхищаюсь ли младшим братом или ненавижу его за столь слепую покорность.

Впрочем, при других обстоятельствах и сама наверняка произнесла бы те же слова, что сорвались сейчас с губ брата.

Разум подсказывал, что следует одобрить поведение Альтаира, не вдаваясь в ненужные рассуждения. Никто не смеет подвергать сомнению приговор богов. Боги непогрешимы и всегда справедливы, а их деяния неоспоримы – во всяком случае, нам твердили это изо дня в день, и до сих пор я безоговорочно в это верила.

В тот роковой миг мое сердце подсказало мне совершенно иное.

Мой рассудок словно затуманился и уже не мог сформировать ни одной четкой мысли.

Альтаир открыл дверь, и мы увидели, что на лестничной площадке стоит десяток солдат – все с модифицированными телами, покрытыми слоем металла и нашпигованными кабелями. Очевидно, сегодня Палач Пепельной Луны явился именно за нами – сомнений в этом не осталось.

– Семья Валенс, не так ли? – проговорил один из солдат, переступая порог.

При виде его металлических глаз, в которых не было зрачков, и лишенного каких бы то ни было эмоций лица – как и у всех его спутников – я пришла в ужас.

Солдаты Пепельной Луны слыли самыми грозными воинами Империи.

Вот только какой ценой они получали свою силу...

– Мы никогда не вредили богам, ни словом, ни делом! Никогда! – возмутился отец. – Мы порядочные подданные императора, верные и преданные. Моя дочь учится в Академии, душой и телом отдает себя своим обязанностям. Что же до меня, я тружусь, как вол, обрабатываю камни для постройки Собора. Вы не можете нас забрать, это невозможно! Наверняка произошла какая-то ошибка...

Впервые за тринадцать лет своей жизни я увидела в глазах отца слезы, навсегда погасившие гордый блеск, сверкавший порой в его взгляде. Под тяжестью отчаяния его широкие плечи поникли.

Отца охватил страх и ярость. Было уже слишком поздно, и он это знал.

– Значит, вы – семья Валенс, – невозмутимо заключил военный.

– Заберите меня, – прорыдал отец. – Только не трогайте моих жену и детей, умоляю...

У меня разрывалось сердце, и я тоже заплакала, не в силах сдерживаться.

В нескольких метрах от двери, в тени, у подножия лестницы, стоял Тень – как и предполагал отец, он лично пришел за нами. Безжалостный служитель императора скрестил руки на груди и рассматривал здание, стоявшее на другой стороне улицы, презрительно отвернувшись от разыгравшейся в нашей квартире сцены.

Как и все прочие жители, я много слышала о новом Первом Палаче Пепельной Луны – недавно его поставили во главе столичного гарнизона. До сего дня я не имела несчастья видеть его собственными глазами.

На один краткий миг я восхитилась его необычайно высоким ростом, внушительной фигурой, закованной в блестящую, как зеркало, черную броню – по форме и стилю она сильно отличалась от доспехов солдат-людей. Он стоял, повернувшись к нам спиной, но со своего места мне удалось разглядеть край богато украшенной маски цвета обсидиана, скрывавшей его лицо.

Не знаю, возможно, у меня просто разыгралось воображение – мои напряженные нервы вполне могли сыграть со мной злую шутку – но мне показалось, что висящая над землей густая дымка ведет себя странно: клубится вокруг Тени очень медленно. Также и тонкий слой пепла, покрывавший землю, как будто старался держаться подальше от Первого Палача. Падавшие с неба частички золы словно отскакивали от его черных доспехов и падали чуть в стороне. От этого человека исходила темная, опасная аура – если, конечно, его можно было назвать человеком.

Потому что теперь-то я знала: у подножия лестницы стоит настоящее чудовище. У него, в отличие от его легионеров, не было оправдания в виде измененных тела и разума.

Возмутительное бесчувствие, которое демонстрировал Тень, его показное презрение к жизням, которые он отнимал, свидетельствовали о безмерной жестокости – она так глубоко укоренилась в нем, что стала второй натурой. Меня не покидало ощущение, что от этого злобного существа непрерывно исходят волны страха, которые поражают наши сердца, заставляют нас бояться его, унижают, лишая отца остатков достоинства.

Чем дольше я разглядывала Тень, тем сильнее становилось ощущение, что меня засасывает мрак, а моя душа заполняется темнотой, пачкается исходящей от него тьмой.

– У девочки не будет никаких проблем, – спокойно произнес солдат. – Лучше радуйтесь, потому что вашего младшего сына выбрали для прохождения подготовки, дабы в будущем он вступил в имперский легион.

– Адское пламя... – слабо простонала мать. – Только не это...

Она прижала ладонь ко рту, тщетно пытаясь сдержать вопль отчаяния.

Вступление в войска Пепельной Луны преподносилось народу как несравненная привилегия, редкая возможность эффективнее всего послужить королевству. Впрочем, простофиль среди нас было мало. Каждому новобранцу предстояло пройти через сложную процедуру слияния с необыкновенной броней, выкованной самим Орионом, и этот процесс являлся тяжким испытанием. Неотъемлемая часть подготовки будущего солдата пугающая, крайне болезненная и... зачастую смертельная.

Альтаир хлопнул глазами, его рот слегка приоткрылся в безмолвной жалобе. Он бросил на меня полный ужаса взгляд, но тут же отвернулся и уставился в пол.

– Отец, мама, все будет хорошо, – заверил он родителей слегка дрожащим голосом. – Вам не нужно беспокоиться.

Он вышел из квартиры и, скрывшись за широкими спинами солдат, поспешил покорно уйти, не дожидаясь, пока отец вмешается и тем самым окончательно себя скомпрометирует.

Обычно новых рекрутов забирали из семей в будние дни, за ними никогда не приходили воскресными вечерами, в час, когда на людей обрушивалось осуждение богов.

– У меня есть и другие приказы, – продолжал человек с металлическими глазами.

– Разумеется, – процедил отец сквозь зубы, как будто уже понял, к чему все идет.

Я словно приросла к месту, не в силах поверить в происходящее.

– За ненависть, которую вы готовились обратить против бога-императора Ориона, вы, Темис Валенс, и вы, Дана Валенс, арестованы, – ничего не выражающим голосом отчеканил легионер. – Наказание за ваш грех – смерть, и приговор будет приведен в исполнение немедленно. Пожалуйста, пройдемте с нами.

Двое солдат отделились от общей группы и, подойдя к отцу, заломили ему руки за спину.

– Как можно осуждать за то, что еще даже не произошло, за мысли, которые еще даже не пришли нам в голову?! – взревел отец, отчаянно пытаясь вырваться. – Неужели в мире совершенно не осталось здравого смысла?

Мать подняла руки, показывая, что не будет сопротивляться и пойдет с легионерами по собственной доброй воле. Она тоже вышла за порог, по ее лицу текли слезы. Альтаир, уже успевший отойти довольно далеко по пешеходным мосткам, закрыл уши ладонями, чтобы не слышать криков отца. Никто из соседей не осмелился выйти на улицу, однако я видела, что из окон украдкой выглядывают бледные лица: ошеломленные, раздосадованные и... на них явственно читалось облегчение. Ведь сегодня пришли не за ними.

Я судорожно схватилась за дверной косяк и беспомощно наблюдала, как уводят моих родных.

Я ничего не могла сделать, не могла помешать. Моего брата подвергнут ужасным мучениям, он лишится своего тела, как и способности самостоятельно принимать решения, а родители умрут на Дереве пыток, расплачиваясь за якобы неминуемое преступление, которого не совершали.

На меня обрушился весь ужас происходящего, и мне показалось, что я сейчас задохнусь, на меня навалилось непроглядное отчаяние.

Хотелось бежать вслед за родителями и братом, умереть вместе с ними...

Однако я осталась на месте, дрожа в когтях сковавшего меня липкого страха, превратившего меня в трусливое, бесполезное существо. Я чувствовала себя тряпичной марионеткой, вынужденной молча смотреть, как уничтожают мою семью...

– Тень, я тебя проклинаяю! Слышишь?! – хрипло прокричал отец. Четверо солдат волокли его вниз по лестнице. – Я проклинаяю тебя, темная тварь, выродок!

Тень даже не удостоил взглядом человека, жизнь которого собирался отнять. Он просто оставил свой пост у подножия лестницы, явно желая держаться подальше от легионеров, и направился к широкой улице, небрежным жестом подняв руку в знак своего приказа.

– Девочка тоже пойдет с нами! – бросил солдат, который с самого начала озвучивал указания своих хозяев. – Она будет наказана за слова своего отца!

Глава 1

Сефиза

Тишину разорвал пронзительный крик, от которого у меня едва не лопнули барабанные перепонки. Задохнувшись от боли, я протянула руки в безмолвной мольбе, надеясь, что мне кто-то поможет. Глупая надежда.

Мои пальцы ощутили лишь пустоту.

Я резко села, силясь вдохнуть, чувствуя, что легкие горят огнем от нехватки кислорода. Я схватилась за горло, широко открыв рот, и отчаянно пыталась вдохнуть, не понимая, где нахожусь. Вокруг было темно, и ужас стиснул мне грудь ледяными пальцами.

Наконец дыхание восстановилось, и я сумела сделать вдох. Потом пришло понимание, что я сейчас вовсе не на лестничной площадке перед нашей квартиркой.

Снова этот кошмар...

Он снился мне вновь и вновь.

Почти каждую ночь на протяжении четырех лет я просыпалась, увидев во сне ту ужасную сцену, случившуюся в прошлом, безвозвратно изменившую всю мою жизнь. После того страшного вечера я перестала быть прежней наивной, невинной девочкой и почти забыла, что когда-то была ею. Неужели я раньше была тем ребенком?

В этом жутком сне неизменно всплывали все мельчайшие детали. Все виделось так ясно, словно я вновь переживала тот вечер, а проснувшись, прилагала огромные усилия, чтобы избавиться от этих воспоминаний и похоронить их в

недрах памяти. Я держала их под замком в самом темном уголке своего разума, чтобы больше никогда не пришлось переживать невыносимую боль и мучиться жгучим чувством вины. Вот только и боль, и вина периодически возвращались.

Конечно, это происходило непроизвольно: все эти чувства проистекали из моего подсознания, непрестанно напоминая мне о том, чего я лишилась.

Я болезненно сглотнула, давя зарождающийся в горле крик, так что он царапал мне гортань. Подняла руку и вытерла выступившую на лбу испарину – после этого кошмара я всегда просыпалась в холодном поту. Кровь стучала у меня в ушах подобно молоту, сердце бешено колотилось в груди.

Я сбросила одеяло и стала на ощупь искать единственную имевшуюся в моем распоряжении масляную лампу. Найдя ее, подкрутила фитиль, и загорелся слабый огонек, разогнав окутавшие мое убежище тени, так что охватившая меня тревога немного поутихла. Паника постепенно таяла, уступая место тошноте, и я стала глубоко вдыхать и выдыхать, пока эти ощущения не сошли на нет.

– Будь ты проклят, Тень, – прошептала я, повторяя последние слова отца, до сих пор звеневшие у меня в ушах.

«Однажды я тебя убью...»

Миновавшие годы совершенно не изгладили чудовищный страх, который внушало мне это существо. И все же я дала себе это безумное обещание, поклялась уничтожить того, кто все у меня отнял, отомстить за свою семью, за своих родных и за меня саму – ведь я лишилась части себя.

Я подняла левую руку и посмотрела на странную кисть, изначально мне не принадлежавшую. Металлические пальцы плавно, бесшумно сгибались и разгибались, и мне стало тошно – вид этой руки неизменно вызывал у меня изумление и тревогу. Стиснув зубы, я с отвращением посмотрела на свою правую ногу, тоже искусственную.

Мое наказание.

По приказу Тени меня сделали Залатанной. Из-за него я теперь была человеком лишь наполовину.

За неприемлемые слова, произнесенные в тот вечер моим отцом незадолго до его казни, а также чтобы заставить его молчать, меня тоже наказали. В итоге я перестала быть одной из безупречных подданных Империи – их называли Чистыми. Теперь я была заклеена печатью богов, помечена как подозрительный элемент среди мне подобных. К таким, как я, надлежало относиться с недоверием, от нас следовало держаться подальше, чтобы избежать неприятностей.

Подозрительный член общества... Проще говоря, изгой.

Однако, искалечив меня таким образом, боги преследовали еще одну цель. Считалось, что сталь в телах Залатанных людей укрепляет их мысленную связь с Орионом, позволяя ему постоянно проникать в их мысли, дабы убедиться, что в их головы не закрались крамольные идеи.

Наш бог-император уделял больше внимания Залатанным – виновным в мелких правонарушениях или имевшим неосторожность связаться с людьми, склонными к мятежу, – нежели остальным своим подданным. За нами пристально следили, ежечасно проверяли даже наши мысли. Наши тела с ампутированными конечностями и металлическими протезами постоянно напоминали нам о занесенном над нами карающем мече – ибо все, кто осмеливался повторно прогневить богов, оказывались на Дереве пыток.

Кроме того, следовало признать, что это наказание было самым устрашающим. Связанные с ним ужас и отвращение весьма эффективно выкорчевали семена любого инакомыслия, которое могло бы возникнуть у жителей Пепельной Луны.

Впрочем, я с каждым днем все больше сомневалась в эффективности этой меры. Потому что в моей душе бушевала злоба...

Гнев все больше и больше раздувался во мне. Благодаря этой злости я выжила и прошла через лишения, страдания и одиночество. Это негаснущее возмущение каждое утро давало мне силы, чтобы отправиться в Академию, где я вкладывала все свои непролитые слезы в пламенные ноты, порождаемые моей скрипкой. Моя страсть к музыке исчезла вместе с душами моих родителей, однако я упорно

трудилась, чтобы преуспеть в искусстве игры.

Я больше не любила музыку, но продолжала играть.

Во мне не осталось ни капли уважения к богам, однако я их почитала, прилежно выполняя все положенные ритуалы.

Я до мозга костей ненавидела этот мир и царившую в нем прогнившую систему, но продолжала играть роль одного из составляющих его колесиков, несмотря ни на что старалась выглядеть любезной и довольной.

Просто я ждала своего часа...

По крайней мере, я себя в этом постоянно убеждала.

Моя жажда мщения была столь сильна, что давала мне силы терпеть, а также верить, что я, тщедушная семнадцатилетняя девушка с покалеченным телом, весьма посредственная скрипачка, однажды смогу что-то сделать против наших владык. Неважно, какими средствами и каким чудом это вдруг станет возможно, но я ни капли не сомневалась, что рано или поздно достигну своей цели.

Ведь, в конце концов, у меня в рукаве имелся такой козырь, о котором никто из богов даже не подозревал, и это делало меня особенной, возможно, даже опасной. Своим секретом я поделилась лишь с Хальфданом, моим лучшим другом, и с его отцом Лотаром – во всем Стальном городе только эти два человека относились ко мне с уважением и доброжелательностью.

Эти двое многое сделали, чтобы не дать мне поддаться разрушительному отчаянию. Лотар и Хальфдан жили рядом с квартиркой, которую некогда занимала наша семья; они были рядом, когда я осталась сиротой без средств к существованию. Они предложили мне пищу, заботу и поддержку, несмотря на то что в первые месяцы после потери близких я отказывалась разговаривать с кем-либо.

С тех пор Лотар много раз предлагал мне переехать к ним с сыном, и каждый раз я отказывалась, предпочитая их великодушному гостеприимству бесподобное уединение Леса Проклятых – я часто оставалась там на ночь, чтобы

никто не слышал моих стонов. Никогда и никому я не позволяла видеть, в какое жалкое существо превращалась по ночам...

Помимо кошмаров меня мучили боли в ампутированных конечностях, причем сильнее всего эти ощущения проявлялись в самые темные часы суток. В такие моменты я сжималась в комок, позволяя тоске и ужасу захлестнуть меня с головой.

Я ненавидела навязанные мне протезы, гадкие металлические подобия руки и ноги. Казалось, их вес постоянно увеличивается; одно только их присутствие начинало угнетать и душить меня, как только заходило солнце.

И еще эта зияющая дыра у меня в груди, эта головокружительная пустота на месте моего умершего сердца – я не могла ее игнорировать, ворочаясь с боку на бок под одеялом, оставшись наедине со своими мыслями...

Я с горечью фыркнула и отбросила от лица прядь своих темно-каштановых волос, стриженных до плеч: часть волос заплетала в тонкие косички, закрепленные оловянными подвесками. Я сжимала кулак до тех пор, пока не услышала неприятный металлический скрежет. Как бы мне хотелось избавиться от этих механических протезов, выдернуть их из тела. Казалось, искусственные рука и нога жгут мою плоть, это ощущение становилось невыносимым...

Вдруг в мое логово задул легкий ветерок, слегка всколыхнув металлические листья гигантского дерева, на вершине которого я угнездилась; ветер принес с собой тихие звуки пианино. Я затаила дыхание и наострила уши, в надежде услышать больше.

Нежная, немного грустная мелодия становилась все громче и прекраснее, набирая силу. Я быстро подошла к импровизированной стене, образованной металлическими листьями дерева, осторожно ступая по подрагивающему куску железа, заменявшего пол в моем убежище. Между стальными ветвями имелся узкий просвет, выглянув в который я увидела, что туман слегка рассеялся и робкий свет луны озарил южный фасад Собора Вечности.

Сегодня ночью пепельный дождь, непрестанно изливающийся на королевство, стих, и туман полз по черному небосводу, рассредоточившись пушистыми клочьями. Серебристый диск луны слабо мерцал, и из-за тумана его края

казались размытыми.

Я знала, что с другой стороны здания стоит Дерево пыток – гордо возвышается посреди площади, как символ нескончаемой низости богов. И все же я против воли восхищалась величию их громадного обиталища – его колоссальные пропорции потрясли мой человеческий разум. В тысячелетнем Соборе постоянно шло строительство, и у его подножия темнела строительная площадка; сложная система готических арок, окна с разноцветными витражами в золотых рамах, длинные вереницы каменных карнизов, похожих на причудливые кружевные ленты давили на людей своими превосходящими воображение размерами и неземным величию.

Игравшая в этом огромном здании мелодия походила на недостижимую мечту, рассказанный по секрету сон. Преисполненный тоской мотив повторялся снова и снова – очень печальный, и в то же время в нем звучала потаенная надежда. Я закрыла глаза и глубоко вздохнула, представляя себе, как неведомый музыкант сидит за пианино и играет для меня одной, а его душа обращается напрямую к моей. Терзавшая меня боль немного утихла.

Невидимый пианист воспроизводил один и тот же отрывок, снова и снова...

Я терпеть не могла ночи – за исключением тех, в которые таинственный дворцовый музыкант играл втайне от всех, вкладывая в игру то же отчаяние, что снедало меня. Наверное, это какой-то придворный, или же, что более вероятно, одаренный пленник, вынужденный играть по приказу, для удовольствия хозяев. Лишь когда наши владыки засыпали, он чувствовал себя свободным – вот как сейчас.

Боги полагали, что искусство по сути своей посвящено только им, но при этом в нем сохранялись черты, присущие исключительно человеческой природе. Поэтому божества любили окружать себя виртуозами всех мастей. Например, Орион питал страсть, близкую к одержимости, к всевозможным искусствам и считал делом чести обнаруживать таланты в своих подданных, пока те еще юны – а посему развитию Академии священных искусств придавалось особое значение.

В моей душе наконец воцарилось спокойствие; я взяла лежавшую под одеялом скрипку и слегка тронула струны смычком. Несколько секунд я

сосредотачивалась, чутко прислушиваясь к долетавшим до меня нотам, а потом из-под моего смычка плавно полилась музыка, и мы с таинственным пианистом заиграли в унисон.

Не знаю, почему, но я всем сердцем хотела, чтобы он меня услышал.

Я сама не заметила, как меня мало-помалу охватил восторг. Внезапно ощутила, что незнакомец ускоряется, дабы угнаться за мной. И, как всегда происходило в такие моменты, что-то в моей душе дрогнуло.

И вот впервые я решилась изменить мелодию и предложить новую ее вариацию. После недолгого молчания загадочный пианист подхватил мотив, принимая добавленные мною нюансы...

Уголок моих губ пополз вверх.

Незнакомец меня слышал.

Он мне отвечал.

Глава 2

Верлен

Полутемная комната тонула в кобальтово-синей дымке того же цвета, что моя бархатная форма, так что я с трудом мог ориентироваться в пространстве. Впрочем, это неважно. Я знал, что должен сделать. На данный момент в моих руках находилась участь миллионов душ. Второго шанса не будет, сейчас или никогда...

Продвигаясь ощупью, я дошел до стоящей в центре спальни гигантской кровати; мои сапоги ступали по вымощенному белой и черной плиткой полу совершенно бесшумно, и эта тишина меня немного тревожила. Воздух был тяжелый, душный, и меня не покидало назойливое ощущение, что все происходящее очень странно. Однако не могло быть и речи о том, чтобы отвлекаться на подобные

незначительные и малопонятные соображения. Что бы ни произошло, я не собирался сдаваться.

Я медленно отдернул прозрачную занавесь, стараясь до последнего момента оставаться тихим и незаметным. Вот только мне вдруг стало не хватать воздуха...

На кровати лежал мой отец и безмятежно спал. От его лица цвета алебастра отражался лунный свет, и золотистые вены, похожие на прожилки на мраморе, искрились, несмотря на темноту.

Хватит ли мне смелости осуществить свои безумные планы?

Отныне я знал правду о происхождении этого существа, поэтому оно должно умереть, только и всего. Я должен убить это создание, которому обязан своим рождением, у меня нет другого выбора.

Я поднял серебряный клинок, который втайне от всех выковал, занес над грудью отца, потом без колебаний размахнулся, вложив в это движение всю силу, и пронзил его сердце. Я догадывался: одного удара, скорее всего, окажется недостаточно, чтобы оборвать жизнь этого существа.

Поэтому я проигнорировал изумленный вскрик, сорвавшийся с болезненно изогнувшихся губ. Постарался не замечать отчаянный взгляд, который вперил в меня отец: его глаза перламутрового цвета, лишенные зрачков, пытались уловить выражение моего лица, ища какое-то оправдание. Я не обращал внимания на золотисто-коричневую жидкость, обжигавшую мне пальцы. Только резко выдернул кинжал из груди отца и снова вонзил, на этот раз в горло, между грудиной и шеей, погрузив клинок в его плоть по самую рукоятку.

На миг я почувствовал сопротивление одного из позвонков, но сила, которую я вложил в удар, взяла верх над костью. Металлическое острие прошло сквозь плоть и вонзилось в матрас, а я дал волю своей ярости, издав ужасающий крик.

Отец не сопротивлялся. Он лишь железной хваткой стиснул мое запястье, так что его длинные пальцы сжались в кулак, и легко потянул меня вниз. Затем другой рукой он погладил меня по щеке и наконец, словно тисками, сдавил мой затылок.

– Почему... Верлен? – пробулькал он. Звук получился отвратительный. На лице отца отразилась безмерная печаль. – Почему всегда... всегда заканчивается вот так?

Внезапно стены комнаты побледнели и растаяли во мраке, как и все, что меня окружало.

В следующую секунду я оказался в совершенно иной обстановке – обессиленный, растерянный и полностью осознающий значение своего поступка и его последствия. Со всех сторон неслись экзальтированные вопли, из-за чего мне показалось, что мой череп вот-вот взорвется под натиском этих криков.

Оглядевшись по сторонам, я понял, что нахожусь на площади перед дворцом – и совершенно не удивился. Вокруг собралась толпа, очевидно, стремясь воспользоваться единственной возможностью удовлетворить свою жажду кровавых зрелищ.

Мои братья и сестры собрались у подножия Дерева пыток, в виде исключения покинув надежные стены Собора, дабы присутствовать при моей казни.

– За неслыханное преступление, в котором ты, предатель из предателей, обвиняешься, я приговариваю тебя к высшей мере наказания – смерти, – торжественно объявил Орион, возвышаясь надо мной всем своим впечатляющим ростом. – Пусть твоя агония будет долгой, дабы все оценили тяжесть и низость твоих деяний.

Я опустил голову, не в силах выносить взгляд отца.

– Сдохни, грязный богоубийца! – завопил какой-то человек из толпы.

– Мерзкое чудовище! – заверещала женщина, стоявшая чуть поодаль и, очевидно решив, что одного оскорбления мало, плюнула в меня.

Плевков приземлился на вымощенную железным булыжником землю в нескольких сантиметрах от того места, где я стоял.

Я не смог сдержать гримасу отвращения – не столько из-за гнусных ругательств, которыми меня осыпали жители Пепельной Луны, сколько из-за своего унижительного положения. Мои руки были скованы за спиной, на лодыжках тоже были кандалы, закрепленные цепями. Мне хотелось выслушать приговор, стоя с гордо поднятой головой, с достоинством, но узы иного рода – нематериальные – мешали мне выпрямиться, несмотря на все мои усилия, заставляли меня преклонить колени пред лицом моего отца.

Мой отец...

Я потерпел неудачу.

Позорно провалился.

Снова...

Я поднял глаза и посмотрел на лес стальных копий, которыми оцетинился возвышающийся надо мной огромный дуб. После набрал полную грудь воздуха и попытался сдержать дрожь, охватившую все мое тело при виде несчастных, нанизанных на эти пики, словно обычные жуки.

Я сразу же понял, что меня ждет та же участь – и был к этому готов.

Пусть я потерпел неудачу, но, по крайней мере, попытался...

Раскаленное добела острие впилося в мою спину, безжалостно проникая все глубже, вгрызалось в мою плоть. Меня пронзила невыносимая, ослепляющая боль...

Я подскочил на кровати, задыхающийся и ошеломленный.

В комнате царил тишина. Охваченный смятением, я сел на краю кровати, тяжело, шумно дыша. Дрожащей рукой пригладил мокрые от пота волосы, оглушенный жуткой реалистичностью только что пережитого – хотя все случившееся было лишь сном.

– Снова эти проклятые кошмары? – прозвучал в глубине комнаты чистый женский голос.

Я с трудом сглотнул слюну, потом зажег стоявшую у изголовья лампу.

Возле двери стояла мать, подол ее длинного белого платья слегка развевался.

– Я кричал? – невнятно пробормотал я.

Не хотелось бы перебудить весь дворец.

Мать подошла к кровати, бесшумно скользя босыми ступнями по паркету, и, оставив мой вопрос без ответа, спросила:

– К какому способу ты прибегнул на этот раз?

Я вздохнул, сжал переносицу двумя пальцами и признался:

– Дурацкий серебряный кинжал. Удар в сердце и в горло. К чему эти вопросы, какая, в сущности, разница?

– Нужно, чтобы ты запомнил. Каждая деталь имеет значение. Все они говорят о тебе больше, чем ты можешь себе представить.

Я покачал головой, возмущенный этой идеей.

– Это абсолютно ничего не значит! – решительно заявил я. Намеки матери взволновали меня больше прежнего. – Зачем мне желать смерти отцу, да еще и от моих рук? В этом кошмаре нет никакого смысла, я никогда не совершу ничего подобного! Кроме него я никому здесь не интересен, верно? Он хорошо ко мне относится и не считает меня...

Я поморщился, эти слова сорвались с моих губ словно сами по себе. Мать цокнула языком, возмущенная тем, что я чуть было не ляпнул.

И все же я глухо проговорил:

- Он единственный не придает значения тому, что я...

- Единственный, вот как?

- Вы прекрасно знаете, что вы - это другое дело, - пробормотал я, терзаемый сожалениями.

- Возможно, если ты предпочитаешь так думать. В любом случае, прошу тебя, Верлен, не доставляй им удовольствия, не давай повода поверить в их заявления.

Я поморщился. С каждой секундой мне становилось все невыносимее слышать, как мать отрицает очевидное. Ибо все, что говорили обо мне братья и сестры, было чистой правдой - я же не дурак и уже давно утратил былые иллюзии...

Я устало пожал плечами и возразил, стараясь говорить равнодушным тоном:

- Это лишь вопрос семантики, только и всего. Какая разница? И потом, в любом случае, какой человек в здравом уме и твердой памяти станет постоянно грезить об убийствах, пытках и смерти, скажите мне? Разве это наглядным образом не демонстрирует всю мою измененную натуру, мою суть?

На миг у меня перед глазами словно зажглась белая вспышка, и боль, тисками сжимавшая мой череп после пробуждения, усилилась. Я сжал кулаки, сминая шелковые простыни, и держал мягкую ткань, пока не побелели костяшки пальцев; яд, текущий по моим венам, пульсировал все болезненнее и болезненнее.

Безуспешно пытаясь избежать неизбежного, я встал и начал нервно расхаживать из угла в угол, бормоча:

- Все это меня не волнует. Я хотел бы просто поспать... Хоть одну ночь. Всего одну. Без отвратительных кошмаров. Без этого неконтролируемого хаоса, сжигающего мой рассудок...

Я чувствовал приближение очередного приступа. Мигрень, ввинчивавшаяся мне в виски - это первый симптом. Второй - это жжение в артериях...

– Успокойся, прошу тебя, – пролепетала мать. Она вдруг заметно встревожилась. – Ты же знаешь, страх лишь ухудшит твоё состояние.

Я прижал ладони ко лбу, пытаюсь избавиться от боли.

Иногда мне это удавалось, но порой, несмотря на все прилагаемые мною усилия, ничего не помогало.

Мать бесшумно скользнула к пианино и умоляющим жестом протянула ко мне руку.

– Сыграй для меня, пожалуйста. Сыграй для нее. Возможно, сегодня вечером твоя скрипачка тебе ответит...

Мать была права: в такие моменты только музыка могла меня успокоить. Я покорно подошел к роялю и сел на стоящую перед ним табуретку с круглым сиденьем, обитым красным бархатом. Дрожащими пальцами открыл крышку и прикоснулся к черным и белым клавишам, вызывавшим у меня ассоциации с черно-белой плиткой, на которую в моем сне пролилась кровь отца.

Я закрыл глаза, силясь избавиться от этого чудовищного видения, и стал тихо играть небольшой отрывок, единственный, что мне удалось сочинить. Не прекращая играть, почти шепотом и немного хрипло спросил:

– Почему вы так уверены, что это женщина?

Не знаю по какой причине, но я тоже не сомневался, что это женщина. Порой по вечерам мне даже казалось, что в моей комнате материализуется эта девушка, и ее лишенное четких черт лицо напоминало мне о собственных страданиях.

– Эмоции, Верлен. Чувствительность, с которой эта скрипачка заставляет свой инструмент петь, не характерна для мужчины, уж поверь.

Я машинально кивнул, хотя столь отвлеченные доводы казались мне неубедительными. Тем не менее я позволил уверенности захватить меня, и мои движения стали четче, музыкальные переливы постепенно замедлили разраставшуюся в моем теле тьму.

При этом я прекрасно отдавал себе отчет в том, что являюсь посредственным музыкантом, и смирился с этим фактом, как и со всем остальным. Я знал, что и в этой области моя своеобразная природа делает меня ущербным. Еще несколько лет назад профессора Академии постановили: моя игра лишена жизни и души, в ней нет чувств, тонкости и таланта. Впрочем, отец разделял их мнение и не упустил случая напомнить мне об этом, когда у него возникало желание наставить меня на путь истинный.

Однако я до сих пор не сдался и хранил этот старый рояль – бесполезная старинная рухлядь, которую я нашел в глубине одного из дворцовых подвалов – и осмеливался играть на нем лишь изредка, по ночам, когда все вокруг спали.

Не переставая перебирать пальцами клавиши, я бросил взгляд в открытое окно и вгляделся в ночной мрак. В небе висела круглая луна, испуская болезненный и печальный свет, затененный несущим смерть туманом – токсическими, болезнетворными испарениями.

Наверное, сегодня мне так и не ответят...

– Медное небо без малейшего проблеска света, – тихо процитировал я любимого поэта отца, которому был обязан своим именем. – Кажется, будто луна живет и умирает...[1 - Отрывок из сборника «Забытые ариетты» Поля Верлена.]

Мать улыбнулась мне, и ее улыбка была нежной и печальной одновременно. Затем ее образ померк, стал прозрачным, очертания фигуры сделались расплывчатыми. Наконец она исчезла, истаяла, словно призрак, унесенный порывом ветра.

Таким образом она прощалась со мной.

Глава 3

Верлен

Вдалеке послышалось жалобное пение скрипки, и я выпрямился, напряг слух, чтобы уловить малейшие оттенки. Я заиграл быстрее, яростно ударяя по клавишам – мне вдруг стало весело при мысли о том, что могу разбудить обитателей Собора.

Вдруг все остальное стало неважным, остался только наш с невидимой скрипачкой разговор, который мы вели без слов... И я ощутил едва уловимое облегчение, обжигавший меня яд с каждым моим вздохом терял силу.

Похоже, сегодня ночью что-то изменилось (и я оказался к этому не готов), потому что безликая скрипачка отступила от наших привычных нот и пошла по дороге, отличной от моей, стала по-своему интерпретировать мое произведение. Ее версия оказалась пронзительнее и, бесспорно, прекраснее. Тогда я с радостью позволил ей вести и попытался подыгрывать, поддержав новое дыхание, предложенное ею для моей скромной музыки.

Исполняя эту импровизацию, мы так гармонично сыгрались, по очереди подхватывая измененную мелодию, так увлеклись, что в какой-то момент стало невозможно определить, кто из нас ведет за собой другого...

Вдруг у меня в голове настойчиво прозвучал тревожный звоночек, и мне пришлось резко оборвать игру.

Я почувствовал позади чье-то враждебное присутствие и едва успел убрать руки от клавиш, как деревянная крышка рояля с грохотом захлопнулась, слегка задев кончики моих пальцев.

– Когда ты наконец оставишь эту свою зловредную привычку мучить наши уши, получеловек? Некоторые здесь хотели бы иметь возможность отдохнуть, не слыша твоих жалких, тошнотворных потуг.

Я стиснул зубы, раздраженный тем, что пришлось прервать приятное общение с невидимой, полной жизни собеседницей-скрипачкой, кем бы она ни была – нам так редко удавалось вместе поиграть. Затем, не поворачиваясь к ночному визитеру, ответил:

– Не знал, что ты и твоя армия уже вернулись. Я безмерно счастлив, что ты возвратился живым и здоровым, Гефест. Смотри-ка, твое задание выполнено

молниеносно, наверное, было намного проще, чем ожидалось. Полагаю, мятежники Ашерона разбежались кто куда, дрожа от ужаса, стоило им только услышать твое имя.

– Очень смешно, недоносек, честное слово. Давай же посмеемся над всеми погибшими в этой битве, в самом деле, это весьма забавно. Ты, как обычно, считаешь себя остроумным, но по своему обыкновению каждым своим словом обнаруживаешь лакуны[2 - Промежуток, пустое пространство, отверстие. Чаще всего употребляется для обозначения провалов в памяти или в сознании.] в своем примитивном умишке и демонстрируешь свою грубую природу. Однажды я вырву твой змеиный язык, с которого непрестанно капает яд.

На этот раз я круто повернулся на табурете и приглашающе развел руки в стороны.

– Так зачем же ждать?

Раз Гефест так хочет со мной разобраться, я дам ему такую возможность. Времена, когда я страшился его ярости, давно миновали, и больше старший брат не вызывал у меня благоговейного ужаса. Ни он сам, ни его непомерная злоба, которую он обрушил на меня с самого первого дня моего появления во дворце.

Стоявший на пороге моей комнаты Гефест скривил губы в презрительной улыбке, скрестил руки на груди и, прислонившись к приоткрытой створке, смерил меня насмешливым взглядом.

Я тоже наблюдал за ним, злясь на самого себя за уколы зависти, что до сих пор меня снедала. Как и все мои старшие братья и сестры, Гефест был воплощением всего того, чем мне никогда не суждено было стать.

Орион породил десять идеальных детей, обладающих всеми присущими богам качествами. А вот одиннадцатый, плод неудачного опыта...

Высокий, почти трехметрового роста, Гефест был блондином, а мои волосы были темными; он уродился светлым и сияющим, в то время как я был бледным и ничтожным, а главное, старший брат отличался могуществом, тогда как я был слаб.

– Не провоцируй меня, Мерзость, – предупредил Гефест, всем своим видом выражая отвращение. – Я каждый день задаюсь вопросом, что мне мешает тебя убить.

Я проглотил гордость и постарался не реагировать на это оскорбление, худшее из всех, что мне приходилось слышать, и которое использовалось исключительно по отношению ко мне.

– Наверняка это страх, – с вызовом проговорил я, вставая и делая шаг вперед.

Гефест издевательски рассмеялся и, демонстративно наклонив голову, посмотрел мне в лицо своими серебристыми глазами.

– И почему же я должен тебя бояться? Просвети, я умираю от любопытства. Насколько я помню, получеловек, ты – смертный, а я нет.

– Очевидно, мы уже исчерпали твой список обидных прозвищ. Не могу сказать, что меня это огорчает, ну да ладно. Отвечаю на твой вопрос: мне кажется, тебе прекрасно известно, что проливать здесь мою кровь – это очень плохая идея. Мало ли, вдруг как раз сейчас по коридору проходит какой-то аристократ – ведь людей во дворце хватает. Отец рассердится, узнав, что ты стал причиной гибели его придворных.

– Ты переоцениваешь силу своего яда, он далеко не такой опасный, как ты думаешь.

– Это мы еще посмотрим. Ладно, как насчет ампутации языка или смерти? Решай сам, и покончим с этим. Ты много говоришь, брат, но ничего не делаешь.

Внезапно дверная створка ударилась о стену, отброшенная сильным ударом, а Гефест оказался совсем рядом, навис надо мной подобно скале и схватил за горло.

– Не. Называй. Меня. Братом! – яростно отчеканил он, делая паузу после каждого слова. – Я тебе запрещаю!

– Ну, мы ведь братья, нравится тебе это или нет.

Я понимал, что осознанно лезу на рожон – хотя, возможно, мне этого хотелось.

– Нет! Нет, Верлен, ничего подобного! Ты всего лишь внебрачный плод противоестественного союза! Грязная тварь, ходячее богохульство, которое никогда не должно было увидеть свет и которое отец из жалости пощадил. Не знаю, почему он не позволил людям убить тебя после того, что ты творил, будучи еще ребенком – вероятно, твои жалкие способности пробудили в нем любопытство... Но не заблуждайся: ты никогда не станешь членом нашей семьи! Никогда!

Я изо всех сил пытался сохранить остатки достоинства и выдержать злобный взгляд Гефеста, борясь с нехваткой кислорода и болью. Без малейших усилий он оторвал меня от пола, его пальцы все сильнее давили мне на затылок, и я не выдержал. Рефлексы возобладали над гордостью, и я стал отбиваться изо всех сил, пытаюсь освободиться, отчаянно царапал жесткую обжигающую кожу его пальцев.

– Я мог бы не моргнув глазом уничтожить тебя, не пролив ни капли пагубного сока, текущего в твоих венах. Отец поблагодарил бы меня за то, что я сделал всю грязную работу, выполнить которую он никак не мог решиться, и мы все избавились бы от жернова на шее раз и навсегда.

Я ничего не мог сделать. Я отчаянно брыкался, вонзил ногти в руки Гефеста, но он ни на миллиметр не ослабил хватку – очевидно, на этот раз он действительно решил меня уничтожить.

С моих губ сорвался ужасающий стон, и, к моему величайшему стыду, мои движения становились все более вялыми, потому что я начал терять сознание. В следующую секунду Гефест наконец отступил и одним движением швырнул меня через всю комнату, так что я с размаху ударился о противоположную стену и бесформенной кучей рухнул на пол.

В легкие вновь хлынул кислород, и меня скрутил жестокий приступ кашля. Дрожа всем телом, я все же сумел приподняться на локтях. Перед глазами все плыло, и встать на ноги я не смог.

– Как ты смеешь продолжать жить после того, как в возрасте трех лет причинил вред собственной матери? – язвительно поинтересовался Гефест. – А ведь тебя

наверняка все считали невинным и безобидным.

Эти обвинения были хуже самого страшного оскорбления...

Меня пронзила боль, куда более сильная, чем жжение в легких и саднящие ощущения в затылке. Я закрыл глаза и крепко зажмурился, чтобы ни одна слеза не выдала моих безмерных страданий, последствий раны пятнадцатилетней давности, что так и не зажила окончательно, зато оставила глубокий шрам.

Тут я услышал тихий звук, похожий на стук капель о землю, ощутил на лице влагу, и все это разом вернуло меня к реальности.

Посмотрев на паркет, я сразу же заметил на гладком полированном дереве кровь. Я дотронулся до виска и почувствовал, как внутри меня разверзается губительная пропасть: мои пальцы нащупали горячую липкую влагу.

Я немедленно прижал ладонь ко лбу, так сильно, как только мог, закрывая рану, чтобы не выпустить в воздух еще больше яда, испускающего смертоносные пары.

– О нет! – выдохнул я. – Что ты наделал, болван?!

Глава 4

Прозерпина

На лбу Прозерпины собрались морщинки, глаза быстро задвигались под опущенными веками. Постоянно посещавшие ее видения нахлынули с новой силой, разгоняя легкую дымку сна, в который она была погружена.

В священном нутре Собора, прямо над склепом, где находилась Прозерпина, излилось зло, просочилось в нее, приняв форму мрачных теней, и собралось в ее черепной коробке.

Девушка протянула руки к единственному предмету, до которого могла дотянуться. Арфа висела рядом с ней на кабелях, почти идентичных тем, что удерживали на месте саму Прозерпину. Тонкими пальцами она коснулась струн, извлекая из инструмента кристально чистые ноты, пропитанные ее болью и тоской, предупреждая своего хозяина о приближающейся опасности.

Слишком поздно...

Она почувствовала, как смерть трижды опалает ее плоть.

Тело девушки трижды содрогнулось от боли, словно ее били кнутом между лопаток.

Три струны лихорадочно вибрировали, и под высокими сводами мрачного сырого зала звучали нестройные ноты.

Только что погибли трое людей, и их души поглотил полубог. Пустые оболочки, в которые внезапно превратились их тела, уже выбросились с одного из дворцовых балконов и повисли у подножия здания, напоровшись на окружавшие его многочисленные металлические пики – последнее пристанище для несчастных.

Их имена не начертались пепельными буквами в сознании Прозерпины. Их не должно было быть в списке. Их безвременная смерть проделала три темные дыры в Паутине времени, и она медленно начала изменяться перед мысленным взором девушки. Одна нить тянула за собой другую.

По бледным щекам Прозерпины потекли слезы отчаяния, когда перед ней начала вырисовываться новая картина будущих событий и образы грядущих страданий. Ничто не освещало это мрачное, призрачное Полотно...

Измученная Прозерпина скрестила руки на груди; плач музыкального инструмента смолк, и под сводами ее зловещего узилища снова воцарилась тишина. Прошло так много времени с тех пор, как у нее отняли свободу воли, и ее жизнь потеряла всякий смысл. Так давно, что даже ее тело и способности больше ей не принадлежали. Столько жертв – и такая жалкая компенсация...

Почти два столетия она томилась здесь, в ужасных, унижительных, невыносимых условиях. Разве можно к такому привыкнуть?

Полностью обнаженная, Прозерпина висела на высоте двух метров над полом, проткнутая многочисленными трубками, которые одновременно поддерживали жизнь в ее теле и ограничивали ее силу. Кроме того, она не могла противиться видениям, не могла не слышать голоса, не могла прогнать картины, непрерывно возникающие у нее в голове. Она почти не могла двигаться...

Окружающая обстановка поражала величием и заунывностью. Готические арки поддерживали высокий, более пяти метров над полом, потолок; все округлые стены странного зала были расписаны фресками, изображавшими падение человечества и наступление эры богов. В склепе горело всего два факела, их слабый свет едва-едва разгонял темноту; основное пространство зала тонуло во мраке, так что обитель Прозерпины казалась зримым воплощением кошмара...

Механическая рука протянулась к девушке, и ей в бок вонзилась тонкая игла, так что пленница вздрогнула от неожиданности. На фарфорово-бледной коже образовалась блестящая капля крови и потекла вниз, рисуя на теле неровную алую дорожку. Тотчас же дар Прозерпины разыграл с новой силой, и образы, составляющие Паутину времени, четче проступили перед мысленным взором девушки.

На губах Прозерпины появилась легкая улыбка: она ощутила приближение своего любимого. Наконец-то ее озарит крохотный лучик счастья в бесконечном океане скорби, составлявшей ее привычную жизнь.

Еще через несколько секунд загремели сложные замки на дверях ее темницы, и двери, ведущие во внешний мир, распахнулись, повинувшись мысленному толчку бога. И вот появился Гефест; в полумраке склепа его светлые волосы казались почти белыми.

– Во имя небес, Проз, скажи, что с тобой все в порядке!

Повинуясь взмаху его руки, путы, сдерживающие пленницу, ослабли и медленно опустились. Ноги Прозерпины коснулись пола, а Гефест поспешно сжал девушку в объятиях и поддержал, заранее зная, что у нее не хватит сил стоять самостоятельно.

Он уже много месяцев не отсоединял от ее тела кабели. Все равно каждый раз, перед тем как уйти, он должен был вновь ставить их на место, и этот процесс был весьма мучительным – и для нее, и для него...

Прозерпина прошептала едва слышно и очень хрипло:

– Полубог находился далеко, яд сюда не проник, не волнуйся.

– Ты могла пострадать, и это была бы моя вина, – выдохнул Гефест. В его голосе все еще звучали панические нотки. – Я не подумал. Я повел себя так глупо! Прости меня... Не представляю, что со мной было бы, если бы тебя задело...

Прозерпина чувствовала исходящие от бога пронзительные эмоции: ненависть пополам с негодованием.

Наверняка Гефест опять повздорил с братом, только на сей раз их стычка закончилась кровопролитием. Девушка знала, что ее возлюбленного посылали в далекое королевство Ашерон, и ведала обо всем случившемся там: ни одна вызванная действиями Гефеста смерть не укрылась от внутреннего взора Прозерпины. Неудивительно, что, вернувшись с задания, бог до сих пор на взводе. Очевидно, одного неосторожного слова хватило, чтобы он вспыхнул, как политый маслом факел.

– Умоляю тебя, давай убежим отсюда, – прошептал Гефест ей на ухо. – Покинем это королевство, пересечем границу Империи и посмотрим, что находится за ней, уедем так далеко, как только можно, доберемся до края света... Я больше не могу выполнять требования отца, а главное, не могу видеть тебя в таком состоянии. Это невыносимо...

Возлюбленный обнял ее крепче, и по его щекам покатались странно блестящие, серебристые слезы. Пусть Гефест был сыном императора, божеством, обладающим невообразимой силой, и жил в роскошном дворце, он был так же несчастен, как сама Прозерпина.

Девушка задействовала те остатки энергии, что у нее еще остались, и внимательно присмотрелась к тому участку незримой Паутины, где отражалось их возможное будущее. И уже в который раз увидела страшную, удручающую

картину: если они сейчас станут на путь бегства и изгнания, их судьба будет незавидной – поимка, жесточайшее наказание. А потом Гефеста казнят, ее снова заточат в этот жуткий склеп, только на сей раз ее сердце будет терзать стократ худшая боль, по сравнению с которой померкнут все ее нынешние муки.

Прошло почти четыре года с того дня, когда Гефест случайно обнаружил подземный ход, ведущий к ее тюрьме, и нашел Прозерпину. Почти четыре года запретных встреч украдкой. Благодаря усилиям Гефеста, лечившим ее атрофировавшиеся голосовые связки, Прозерпина снова смогла говорить и выражать себя не только через игру на арфе. И с самого первого дня он уговаривал ее убежать отсюда вместе с ним...

– Мне жаль, но это невозможно. Ты же знаешь, любимый.

– Моя милая Проз, моя любовь... – с болью в голосе прошептал Гефест. – Я отказываюсь терять надежду. В один прекрасный день мы сможем быть вместе и выйдем отсюда. Я никогда тебя не брошу, запомни.

Высказав эти красивые, но пустые обещания, Гефест наклонился и нежно поцеловал Прозерпину.

Если бы она могла, то непременно попросила бы Гефеста сжалиться и оборвать ее жалкую жизнь. Однако, раз за разом проверяя Паутину времени, она снова и снова убеждалась, что в таком случае его будущее станет таким же ужасным, как если бы они все-таки сбежали вместе.

Поэтому Прозерпина промолчала и не высказала вертевшуюся на языке мольбу, предпочитая нынешнее позорное рабство всем возможным мирам, в которых не будет ее возлюбленного...

– Ты должен вернуться в свои покои, – неохотно прошептала она, отрываясь от его губ. – После случившихся недавно трагедий твой отец вскоре явится сюда. Нельзя, чтобы он тебя здесь застал. Если он тебя обнаружит, последствия будут непоправимыми, поверь... В его присутствии всегда держи свой разум закрытым.

Жизненно важный совет, которым она никогда не пренебрегала.

Гефест осторожно погладил ее по щеке, потом опустил глаза, чтобы не видеть, как натягиваются кабели, вновь поднимая над полом хрупкое тело девушки, в которую он имел несчастье влюбиться...

Глава 5

Сефиза

Из легкой полудремы меня вырвал какой-то непривычный шорох. Я медленно приподнялась, опершись на ладони, не понимая, где нахожусь. Когда в голове немного прояснилось, оказалось, что я лежу на самом краю металлического листа, образующего пол моей импровизированной хижины, скрипка наполовину зависла над пропастью, а одной рукой все еще сжимаю смычок. Я наострила уши, прислушиваясь к свисту ветра, и постепенно различила приближающийся звук шагов: кто-то шел по лесу, ступая по собравшемуся под деревьями толстому слою пепла.

Люди никогда сюда не приходили, потому что верили, будто в этих местах обитают духи проклятых – из-за этого лес и получил свое название...

Я сдвинула в сторону несколько листьев, стараясь, чтобы они не задели друг друга, и, выглянув в образовавшееся отверстие, посмотрела вниз.

До утра было еще далеко, а лунный свет померк, так как ночное светило вновь скрылось в густой пепельной дымке. И все же я без труда узнала шагавшего под деревьями человека, его длинные светлые волосы, заплетенные над висками, и атлетическую фигуру. Хальфдан, мой лучший друг, почти ощупью пробирался по лесу, освещая себе путь маленьким фонарем.

– Что сподвигло тебя поднять с постели свою жирную тушу в такую рань, лентяй? – завопила я.

Хальфдан подскочил от неожиданности, и я довольно оскалилась. Лучший друг запрокинул голову и испуганно уставился на меня, но потом взял себя в руки, и на его губах заиграла улыбка, насмешливая и очаровательная одновременно.

– А вот и ты, фитюлька![З - О человеке маленького роста или очень худеньком.]
Всегда забываю, на каком из этих мрачных дубов ты гнездишься. Как тебе
удается засыпать в таком месте? Честное слово, это выше моего понимания...

Как и все прочие люди, Хальфдан терпеть не мог этот лес, в котором все, от
самого маленького папоротника до самого высокого дерева, было
металлическим. Главным образом мрачную атмосферу этого места создавали
проклятые: из некоторых древесных стволов выступали человеческие фигуры с
искаженными безмолвным криком лицами. Согласно легенде, тысячу лет тому
назад Орион покарал лидеров последнего вражеского режима, навечно заточив
их в зачарованные стальные деревья.

– Я пустился в путь исключительно ради вас, моя дорогая, – сообщил мне
Хальфдан нарочито чопорным тоном. – Не соблаговолите ли оказать мне честь и
спуститься наконец с этого дьявольского насеста?

Он отвесил шутовской поклон, и я фыркнула от смеха.

– Наверное, у тебя есть очень веская причина, раз ты рассчитываешь вытащить
меня из-под одеяла до рассвета. Еще довольно холодно, а я прихожу в дурное
расположение духа, если не выплюсь.

– Как будто я мог об этом забыть! И все же полагаю, у меня есть то, что сразу
тебя расшевелит.

Хальфдан извлек из-под мышки свернутый в трубочку лист бумаги, развернул
его и поднял повыше, чтобы мне было лучше видно. Полумрак и витающие в
воздухе клочья тумана не давали мне толком разглядеть изображенный на
листе рисунок. Приятелю удалось меня заинтриговать.

– Твоя взяла, сейчас спущусь, – вздохнула я.

Поспешно юркнув обратно в свое логово, я быстро надела длинный кафтан из
выцветшего, некогда синего льна, а поверх него – дублет из искусственной
кожи, решив, что зашнурую его позже. Затем засунула смычок в карман,
схватила скрипку, сжав ее гриф, и выскользнула из своего убежища через
маленькое отверстие, которое специально оставила между листами железа. Я
перебиралась с ветки на ветку, двигаясь легко и свободно, – от ежедневной

практики мышцы давно привыкли к таким перемещениям – и наконец спрыгнула на землю.

Пока я спускалась, Хальфдан не сдвинулся ни на миллиметр: так и стоял в торжественной позе, вытянув перед собой руку с зажатым в ней листком. Однако на лице его застыло такое серьезное выражение, что я встревожилась.

Наконец я взяла в руки листок и стала внимательно его изучать.

Изображение было стилизованное, линии скупы и лаконичны, и все же образ получился довольно впечатляющий. Две фигуры застыли друг напротив друга. Один из изображенных был высокий и вытянутый, в богато украшенных одеждах – он возвышался над вторым персонажем на две головы. Второй выглядел карликом по сравнению с первым, был бедно одет, но стоял, гордо вскинув голову, и дерзко глядел в глаза своему сопернику, словно считал себя равным ему, как будто их разница в росте и положении не играла никакой роли.

Сомнений быть не могло: я смотрела на изображение человека, который бросал вызов власти бога, вопреки обычаю отказывался склониться и подчиниться высшей силе.

Немыслимая, непостижимая ситуация...

– Где ты это взял? – потрясенно выдохнула я.

Хальфдан снова свернул плакат в трубочку и убрал в свою сумку, из которой выглядывали похожие рулоны.

– Вчера вечером отец решил разобраться наконец в сундуках, что стоят у нас на чердаке, и я наткнулся на этот набросок – он лежал между двумя платьями, принадлежавшими моей покойной матери. Отец сделал вид, будто не знает, что это такое, хотя я уверен: он солгал. Уж больно странно он себя повел, когда я показал ему свою находку. Не сомневаюсь, это нарисовала моя мать. В том же сундуке лежала стопка чистых листов бумаги и принадлежности для рисования...

Мать Хальфдана скончалась от пепельной болезни, когда моему другу было всего шесть лет, задолго до того, как мы с ним познакомились. Я мало о ней знала, потому что Хальфдан почти никогда не говорил о маме.

– Я всю ночь не мог уснуть, – продолжал друг, глядя на меня своими небесно-голубыми глазами. По его красивому мужественному лицу пробежала нервная судорога. – Я взял чистые листы бумаги, старые кисти, чернила и сделал несколько копий этого рисунка. Получилось штук двадцать.

– Зачем ты это сделал? – воскликнула я, отшатываясь. – Ты же можешь угодить в большую беду! Ты просто сумасшедший!

Внезапно ужасный страх сдавил мне горло при мысли о том, что Хальфдана тоже могут арестовать и наказать...

– И это говоришь ты?

Он крепко сжал мои плечи, заставляя меня взглянуть ему в глаза.

– Я знаю, как ты ненавидишь богов, Сефиза. Разумеется, ты никогда не высказывала этого открыто, но я все вижу. Представляю, какая ненависть охватывает тебя каждый раз, когда они наблюдают за нами со своих балконов, представляю, какой гнев наполняет твое сердце во время каждого ритуала, каждого празднования. И кто посмеет тебя винить? Они причинили тебе столько зла...

Я сжала кулаки и вырвалась из его рук, до смерти перепуганная тем, какой оборот приняла наша невинная болтовня.

Если мои дурные мысли, как это ни удивительно, до сих пор не привлекли внимания наших владык, то что насчет мыслей Хальфдана? А произнесенные им страшные слова, повисшие в воздухе тяжелым эхом? Если бы кто-то случайно услышал наш разговор, последствия оказались бы фатальными для нас обоих.

Император всеведущ. Если он и способен уловить бо?льшую часть наших потаенных мыслей, то слова, произнесенные вслух, даже едва уловимым шепотом, тем более попадут в его ментальную сеть. Несомненно, за нами уже

отправили взвод солдат...

Несколько долгих секунд мы с Хальфданом стояли неподвижно, не говоря ни слова, испуганно глядя друг на друга. И все же в наших глазах, помимо тревоги и страха, мы видели и капельку восторга. По мере того как проходили минуты, охватившее нас нервное возбуждение росло, а над нами так и не прогремел зловещий набат.

– Возможно, Орион сейчас занят другими делами? Может, он умирят мятежников Ашерона, и ему недосуг подслушивать разговор двух подростков, забравшихся в этот мрачный лес за несколько часов до рассвета? – предположил Хальфдан, пожимая плечами.

Он старался говорить непринужденно, но я видела: это напускная бравада.

Наверняка история о восстании в далеком королевстве – не более чем досужие сплетни. Как Хальфдан мог поверить, что где-то в Империи группа людей посмела бросить вызов нашим всемогущим правителям?

– А может быть, наши имена уже внесли в список на ближайшее воскресенье, – не моргнув глазом, ответила я.

Подобная перспектива меня ужасала. Я годами страшилась этого дня недели, опасаясь, что моя неудержимая жажда мести откроется, и меня постигнет та же кара, что обрушилась на моих родителей. Тем не менее я чувствовала, как меня раздувает от восторга, и преисполнилась такой гордости, что она затмила все прочие чувства – даже страх за друга, рисковавшего жизнью, коль скоро в его душе поселились столь крамольные мысли.

Хальфдан скрестил руки на груди и требовательно спросил:

– Ты никогда не задавалась вопросом, почему решения наших вождей неизменно считаются в высшей степени мудрыми, хотя очевидно, что они допускают ошибки, карая собственный народ, и приносят ему только вред?

– Конечно, я думала об этом, – выпалила я, не сумев сдержаться.

Друг слегка кивнул, явно довольный, что я наконец осмелилась его поддержать.

– Моя мать нарисовала это, стремясь показать, что мы не так уж слабы и уязвимы пред лицом силы богов, как бы они ни пытались убедить нас в обратном. В противном случае, как у матери могла появиться идея сделать этот рисунок? Она представила его во всех подробностях, потом нарисовала и хранила у себя, а боги так ни о чем и не узнали. Отец уже видел это плакат прежде, я в этом уверен. Он много лет хранил рисунок в том сундуке. Если бог-император настолько могущественный и всеведущий, как нам говорят, почему он допустил подобное? В этой системе есть лазейки, Сефиза. Моя мать нашла одну из них, а теперь моя очередь. Ее работа пробудила что-то в моей душе, хотя до сих пор моя душа спала. Теперь я уверен: есть другой мир, иная жизнь. Нужно, чтобы и остальные люди очнулись и стряхнули с себя сковавшее их губительное оцепенение...

Я сжала губы, пытаясь сдержать бурю эмоций, грозившую захлестнуть меня с головой. Друг высказал вслух мою давнюю потаенную мечту, которую я давно лелеяла в сердце, боясь поделиться с кем бы то ни было...

До сих пор мы с Хальфданом никогда не касались этой темы. Да и как мы смогли бы это сделать, если за одну только крамольную мысль наказывали скорой и неотвратимой смертью?

Я начала понимать, что задумал Хальфдан, какие причины побудили его скопировать сделанный его матерью набросок и прийти ко мне под покровом ночи, пока все остальные жители города спят...

– Где? – спросила я, сгорая от нетерпения. – В каких частях города мы развесим эти плакаты?

Друг просветлел лицом, в его глазах зажглись мятежные искорки.

– На улицах, рядом с которыми есть мосты, но там, где стражники обычно не появляются. Лучше всего было бы повесить несколько плакатов рядом с шахтами, чтобы увидело как можно больше людей.

Возможно, наша попытка ни к чему не приведет. Может быть, план Хальфдана просто безумен, и никто не увидит глубокого смысла, скрытого в нарисованном

его матерью плакате...

А может быть, благодаря другу я смогу поучаствовать в важном деле? Что, если это неожиданная возможность нанести первый удар – пусть даже такой слабый и смехотворный – по виновным в гибели моей семьи?

– Никто не должен нас увидеть, – серьезным тоном проговорил Хальфдан. – Никто не должен узнать, что за всем этим стоим мы. Если этот образ одновременно появится в умах всех жителей Стального города, Орион ни за что не сможет вычленивать виновных. Кроме того, он не сможет осудить подданных лишь за то, что они помимо своей воли увидели какой-то лист бумаги...

В его рассуждениях был резон. Потрясающая идея.

С другой стороны, я не была столь уверена в возможной реакции императора... и все же решила рискнуть, как бы безрассудно это ни звучало.

Глава 6

Сефиза

Итак, мы с Хальфданом сделали свое черное дело: развесили на улицах плакаты, а несколько даже прилепили рядом с угольной шахтой, расположенной за чертой города, и теперь торопились обратно, чтобы успеть в Академию к началу занятий. Задыхаясь, мы бежали по переходу, ведущему к этому учебному заведению – справа от нас находился мост Собора Вечности, – как вдруг я остановилась и бросила взгляд на раскинувшийся внизу город.

Поднимавшееся над высокими стальными зданиями солнце озаряло оцетинившиеся готическими шпилями крыши, раскрашивало их конические силуэты тенями и серебром. Так что, несмотря на окутавшую город дымку, все это переплетение тонких арок и островерхих башенок искрилось и сияло, как одно большое зеркало.

Этот ни с чем не сравнимый мегаполис, почти полностью построенный из металла, был творением Ориона – бога из богов, мастера чар, мудрости и железа – подарок, преподнесенный человечеству много столетий назад, дабы сделать это место столицей всей Империи. Около пятисот тысяч душ обитали в его холодных металлических стенах и почти вдвое больше старались выжить в пригородах.

Нынче утром я всматривалась в серые, посверкивающие улочки и с замиранием сердца выискивала хоть малейший признак чего-то необычного.

– Сефиза! – нетерпеливо окликнул меня Хальфдан. – Проклятье, шевелись же! Сегодня мы не можем себе позволить опоздать...

Разумеется, он был прав. Не стоило привлекать к себе внимание после нашей утренней вылазки. Я догнала друга, и мы продолжили подъем на высокий уступ скалы, на которой стояла Академия, как вдруг мое внимание привлекла какая-то странная женщина, стоявшая чуть в стороне – она глядела прямо на меня, да еще так пристально, что мне стало не по себе.

Хальфдан тут же проследил за моим взглядом и, кажется, тоже заинтересовался – откуда такое внимание к нам. Он остановился и в свою очередь уставился на незнакомку.

На женщине было свободное платье цвета пепла, почти сливавшееся с окружающим ландшафтом. Голову незнакомки покрывал большой капюшон, из-под которого выбивались длинные светлые пряди, украшенные подвесками и косточками давно вымерших животных. Однако в первую очередь приковывало внимание ее лицо, наполовину состоявшее из латуни и раскрашенное странными полосками, так что сине-зеленые глаза казались двумя драгоценными камнями. В искусственной руке незнакомка держала длинный резной посох – из-за разделявшего нас расстояния я не могла утверждать наверняка, но мне показалось, что эта вещь вырезана из настоящего дерева...

– Наверное, какая-то бродяжка, – предположил Хальфдан, озадаченно хмурясь. – Судя по виду, она нездешняя.

– В таком случае она на редкость удачно выбрала время для посещения наших краев.

Путники у нас появлялись редко, поскольку перемещаться между разными городами Пепельной Луны – и тем более между девятью королевствами – было непросто, долго и очень опасно. Принимая во внимание недоверие, которое обычно вызывали чужаки, а также учитывая, что странная молодая женщина была Залатанной, я могла только надеяться, что ее не заподозрят в распространении крамольных рисунков – если к нашим плакатам возникнет слишком большое внимание...

– Нам и впрямь пора идти, – повторил Хальфдан, хватая меня за запястье.

Мимо нас пробегали последние ученики, торопясь поспеть в Академию вовремя. Я кивнула, волевым усилием заставила себя отвести глаза от незнакомки и, ускорив шаг, вслед за Хальфданом поспешила ко входу в здание.

Как обычно, на пороге нас ждали жрецы в белых одеяниях: они держали в руках карманные часы и со злобным удовлетворением поглядывали на циферблаты, готовясь отловить опоздавших. Едва мы вбежали внутрь, жрецы закрыли за нами двери, явно разочарованные тем, что на этот раз никому не пришлось делать выговор.

Войдя под своды зала, посвященного музыкальному искусству, мы с Хальфданом встали в одну из шеренг, выстроившихся перед жертвенниками, за которыми около десятка жрецов совершали обряд. Они читали псалмы, прося богов помиловать нас и благословить наш бесценный дар, чтобы мы с его помощью могли достойно чтить наших бессмертных правителей. Под сводами зала журчали сотни приглушенных голосов – мы, ученики, тихо повторяли слова псалмов, клянясь полностью и безоговорочно посвятить себя нашим владыкам.

Если и было время, когда эти молитвы имели для меня смысл, оно давно прошло. Я машинально повторяла заученные фразы, но мой разум витал далеко от тела. Ни одно слово, срывавшееся с губ, не достигало моего сердца, я двигалась, как заведенная механическая игрушка.

Когда подошла моя очередь, я шагнула к богато украшенному металлическому столу и протянула жрецу руку – не искусственную, а настоящую. Облаченный в роскошную, расшитую яркими нитками тунику, лысый человек с лицом, полностью покрытым загадочными татуировками, окунул церемониальный кинжал в чашу со спиртом, чтобы очистить лезвие. Затем он привычным

движением полоснул меня по ладони, при этом лицо его ничего не выражало – жрец полностью сосредоточился на строгом выполнении ритуала.

Я постаралась не поморщиться от боли, когда острый клинок впился в мою плоть, и вытянула руку над большим сосудом. Потом я сжала кулак и в свою очередь уронила несколько капель крови, принося жертву богам, как и все остальные ученики.

Страдание являлось неотъемлемой частью культа, своеобразной священной данью, которую люди приносили богам. Если большинство подданных Империи собирались раз в неделю в разных церквях своих городов для участия в службе, люди искусства и будущие музыканты, напротив, должны были делать это ежедневно. Считалось, что страдания удешевляют мастерство и делают искусство еще прекраснее – особенно в случае музыкантов, которым приходилось преодолевать боль, задевая порезанную руку.

Совершив положенный ритуал, я встала возле стены рядом с остальными и посмотрела на Хальфдана – он, как обычно, был в сером дублете из синтетической шерсти, обшитом искусственной кожей и отделанном небольшими металлическими бляшками, на которые он сам нанес гравировку. Друг с отрешенным видом протянул жрецу руку, но я знала: это лишь видимость. На самом деле его рвение столь же наигранное, как и мое. Лишь сейчас я поняла, что Хальфдан неискренне произносит слова молитв, которые нам приходилось повторять.

Лично я очень точно представляла, когда потеряла веру, но совершенно не догадывалась, когда та же перемена произошла с моим другом. В какой момент он тоже перестал верить в безграничную мудрость и безмерное превосходство наших богов?

Я всегда чрезвычайно дорожила дружбой Хальфдана – порой она буквально становилась для меня спасительной силой, – но сегодня утром нас связало нечто более значимое. Постыдная тайна и ужасная опасность, благодаря которым я вдруг перестала чувствовать себя такой одинокой...

Когда все учащиеся выстроились полукругом вдоль стен зала, жрецы затянули последние псалмы. Их голоса становились все громче и пронзительнее, эхом отражаясь от высокого купола, а ритмичные удары барабанов подвели

церемонию к кульминации, словно призывая божественную силу.

Вдруг кровь в широких чашах вскипела, и по краям сосудов потекли отвратительные пурпурные струйки. Наконец из чаш стал вырываться черный густой дым, поглощая подношение, пока сосуды не опустели. Мы все стояли, склонив головы в почтительной сосредоточенности, а жрецы старательно тянули последнюю ноту гимна.

Когда служба закончилась, на несколько минут воцарилась благоговейная тишина, но вот наконец и она подошла к концу, и нам с Хальфданом пришлось разойтись в разные стороны. Он направился к группе певцов, а я – к той, что занималась игрой на струнно-смычковых музыкальных инструментах.

Я вдруг вновь оказалась отделена от окружающих глухим молчанием: мое положение Залатанной напомнило о себе, что происходило ежедневно.

Никто из моих одноклассников не сказал мне ни слова. За четыре года я привыкла к такому отношению. Впрочем, у меня до сих пор щемило сердце, когда люди вокруг скользили по мне взглядами и тут же отворачивались, стараясь ни в коем случае не смотреть мне в глаза. Единственным знаком внимания, который отваживались продемонстрировать мне учащиеся, было презрение, как будто сам факт моего присутствия в стенах Академии оскорблял их до глубины души. Обучение здесь считалось привилегией.

В учебном классе я села на свое место в самом последнем ряду (соседняя с моей парта как обычно осталась незанятой) и постаралась сосредоточиться на объяснениях профессора. Однако краем уха я напряженно прислушивалась к перешептываниям одноклассников, надеясь услышать, не упомянет ли кто-то наши с Хальфданом плакаты.

Однако никто не поднимал эту тему. Конечно, ничего удивительного в этом не было: даже упоминание подобного кощунства могло повлечь за собой большие неприятности...

Весь день я разрывалась между страхом и восторгом, сгорала от нетерпения и страшилась при мысли о том, как выйду из Академии и увижу результаты нашей вылазки, которую мы с Хальфданом совершили под покровом ночи.

Ближе к вечеру я встретила друга на тренировочном концерте, в котором обычно участвовали все группы учащихся. Дважды в неделю мы выступали перед собранием экспертов, дабы те оценили наши достижения. По окончании обучения счастливики, успешно сдавшие массу экзаменов, получали шанс присоединиться к одному из Священных оркестров девяти дворов Империи – разумеется, самым престижным считался оркестр Пепельной Луны.

Во время концерта я заметила, что Ольда, студентка из того же класса пения, который посещал Хальфдан, прожигает меня разъяренным взглядом. Немного удивленная столь внезапным вниманием, я тем не менее постаралась не отвлекаться и продолжала играть свою партию, не допустив ни одной неверной ноты.

Предполагалось, что мой лучший друг уже около месяца встречается с этой длинноволосой кудрявой шатенкой, обладательницей голубых глаз, пухлых губ и пышной груди. Ольда не могла не знать, что занимает – двадцатое по счету место в списке любовных побед Хальфдана, но все равно упорно жаловалась, что тот проводит с ней слишком мало времени. По правде говоря, друг действительно бо?льшую часть своего времени проводил со мной.

Судя по злобным взглядам красавицы, она все-таки решила объявить меня виновницей своих неудач и выместить на мне обиду...

Глава 7

Сефиза

– Тебе кто-нибудь что-нибудь говорил о... сам знаешь о чем? – прошептала я на ухо Хальфдану, когда по окончании этого долгого и тяжелого дня мы наконец вышли из дверей Академии.

– Я ничего не слышал. А ты?

– Тоже ничего.

Друг сдвинул брови, явно раздосадованный.

Ни он, ни я не знали, чего ждать. Мы развесили несколько имевшихся в нашем распоряжении плакатов по всему городу, стараясь не думать о возможных трагических последствиях наших действий. Однако нам и в голову не приходило, что плакаты вообще не вызовут никакой реакции у наших сограждан.

Мы с Хальфданом вместе с остальными учениками спускались по пешеходным мосткам, как вдруг меня сильно толкнули в плечо. Я пошатнулась, едва не выронила скрипку, а мимо вихрем пролетела Ольда, бросив на ходу:

- Прочь с дороги, грязная Залатанная!

Она и прежде оскорбляла меня подобным образом, но до сих пор ни разу не позволяла себе такого в присутствии Хальфдана. Очевидно, ситуация складывалась из ряда вон выходящая, и на этот раз Ольда решила напасть на нас обоих.

- Эй, ты чего? - воскликнул Хальфдан и бросился следом за девушкой. - Что на тебя нашло, скажи на милость?

Все вокруг уставились на нас.

- Оставь, Дан, - взмолилась я, чувствуя себя бесконечно униженной. - Ничего страшного. Правда, это ерунда...

- Ты прекрасно знаешь, что на меня нашло! - выкрикнула Ольда. Ее фарфоровое личико налилось кровью от злости. - С самого начала, что бы ни случилось, ты занят лишь этой дрянью. А теперь еще и защищаешь эту проклятую Нечистую!

- Не смей так говорить о моей подруге! - возмутился Хальфдан.

- О твоей подруге? - взвилась Ольда и пренебрежительно ткнула пальцем в мою сторону. - Не смей меня, я тебя умоляю! Да прояви же хоть капельку честности! Не понимаю, как ты можешь питать какие-то чувства к подобной девице... Боги лишили ее человеческой природы, ее заклеили печатью позора.

Она просто чудовище, а ты ведешь себя так, словно ничего не случилось, словно это наполовину металлическое существо для тебя важнее, чем твоя пара!

– Позволь мне кое-что прояснить: мы с тобой никогда не были парой, и начиная с этого момента, ты для меня вообще ничего не значишь, – отрезал Хальфдан. Его лицо словно окаменело от гнева. – И ты сейчас же извинишься за свои...

– Ничего страшного, мне все равно, – перебила я друга, касаясь его руки, чтобы успокоить. – Пусть называет меня как ей угодно, это не имеет никакого значения, поверь.

Хотелось бы мне, чтобы это и впрямь было так. На самом деле меня всегда больно ранили такие оскорбления, столь же обидные и унижительные, как и навязанные мне гнусные части тела, сделанные из металла.

Кроме того, я так и не поняла, что Ольда имела в виду, говоря о нашей с Хальфданом дружбе. Истинная природа наших отношений ни для кого не являлась секретом. Тут двух мнений быть не могло.

Хальфдан был Чистым, невероятно привлекательным музыкантом без пары, перед ним открывалась многообещающая карьера, так что он был завидной партией для любой девушки в Стальном городе. Что же до меня...

Взглянем в глаза правде: Ольда все верно сказала.

Я знала, какое место занимаю в жизни друга, и меня оно полностью устраивало. Я никогда не питала иллюзий. Мне даже в голову не приходило думать о Хальфдане в таком ключе.

И как только Ольде в голову пришло ревновать?

– Поверь, – повторила я, четко выговаривая слова, и твердо посмотрела Хальфдану в глаза.

Мне хотелось быстрее покончить с этой сценой и уйти. Я надеялась, что Хальфдан поймет это и не станет впустую добиваться от Ольды извинений.

На скулах друга заиграли желваки, словно он крепко стиснул зубы, пытаюсь подавить гнев. Потом он коротко кивнул и, отвернувшись от своей бывшей подружки, зашагал дальше. Я молча последовала за ним, опустив голову, чтобы не видеть устремленных на меня любопытных взглядов.

Хальфдан подождал, пока мы отойдем подальше от толпы учащихся, и пробормотал:

- Мне жаль, такого не должно было случиться...

- Вопрос закрыт, - снова перебила я друга. - Не будем больше об этом говорить, прошу тебя. У нас ведь есть и другие, более важные заботы, помнишь?

Хальфдан резко фыркнул, потом поджал губы и медленно, словно нехотя, кивнул.

Через несколько минут молчания, становившегося все более угнетающим, мы перешли одну из улиц, на которой повесили плакат. Мы не особо удивились, обнаружив, что плакат сняли. По обоюдному молчаливому согласию было принято решение следовать обычным маршрутом и не проверять все остальные места, где разместили плакаты, чтобы не вызывать ненужных подозрений. Итак, мы направились к кузнице Лотара, отца моего друга, как делали каждый день после учебы.

Городские улицы выглядели все так же уныло. Люди шли кто куда: одни закончили изнурительную работу и, втянув голову в плечи, старались быстрее вернуться к очагам; другие заканчивали дневные дела и лихорадочно подсчитывали монеты, надеясь, что заработанного хватит, чтобы протянуть следующий день. Группки детей изо всех сил старались подмести с улиц пепел и расчистить проход для велосипедов и тележек - мало оплачиваемая работа бедняков, которой я тоже занималась время от времени параллельно с учебой в Академии. Таверны мало-помалу заполнялись народом, а вечерний туман быстро густел, затягивая городской ландшафт серым непроницаемым покровом.

Мы усиленно прислушивались к разговорам прохожих, однако никто и словом не обмолвился о наших мятежных плакатах. Надо сказать, всеобщее равнодушие порядком меня разочаровало...

Возможно, все дело было в моем воображении, и все же, пока мы шли к Лотару, мне показалось, что на улице стало больше встревоженных лиц, чем обычно.

Глава 8

Сефиза

Хальфдан небрежно положил сумку на отцовский стол и налил нам по стакану воды. Здание то и дело оглашалось мощными ударами молота по металлу, так что дрожали стены – значит, Лотар все еще работал.

– Вот досада! – прорычал Хальфдан. – Похоже, никто не видел наши плакаты. Как такое возможно? Думаешь, кто-то их все сорвал до того, как жители проснулись?

– Нет, это маловероятно. Мы бы заметили, если ночью за нами кто-то шел. Возможно... просто нужно время. Может, нам стоит начать все сначала. Если мы каждую ночь будем развешивать повсюду рисунок твоей матери, то однажды, возможно, все изменится.

– И это говоришь ты? – иронически проговорил Хальфдан, удивленно вскидывая брови. – Не далее как сегодня утром ты называла меня сумасшедшим. Ты хоть понимаешь, что, действуя таким образом, мы просто поможем солдатам нас поймать?

– Не обязательно. Если каждый раз будем размещать плакаты в новых местах, то не попадемся.

Хальфдан вздохнул, в его небесно-голубых глазах промелькнула тень разочарования. Он проглотил последние капли воды и со стуком поставил стакан на оставленный на столе поднос.

– А не потренироваться ли нам забавы ради? Не сомневаюсь, нам будет лучше думаться после небольшой разминки, что скажешь? Мне до смерти надоело день-деньской стоять перед пюпитром, сложив руки за спиной, и петь как дурак,

хотя на самом деле никто не слушает...

Я не сомневалась: Лотар предпочел бы, чтобы его сын расходовал переизбыток энергии, помогая отцу в кузнице, а не предавался столь бесполезным детским играм. Впрочем, от критических замечаний я воздержалась. Хальфдан и сам прекрасно все понимал. К тому же мне слишком нравилось проводить время с другом, и я не собиралась отказываться от предложения.

– Я надеру тебе задницу, блондинчик! – нахально заявила я, бегом устремляясь к двери.

Хальфдан прищурился, в его глазах зажглись озорные искорки.

– С интересом на это посмотрю, фитюлька!

После этого «обмена любезностями» мы бросились бежать по коридору, потом спустились по лестнице, перепрыгивая через несколько ступенек за раз, словно беспечные, хулиганистые дети.

Хальфдан прижал меня к стене в одном шаге от порога, выиграв таким образом первый раунд. Однако я не сомневалась, что возьму реванш. В последнее время друг легко отвлекался, и из-за этого ему стало труднее мне противостоять.

В комнате, возле дальней стены, нас ждали мечи и щиты, выкованные собственноручно Хальфданом. Я же изготовила для нас перчатки, наручи и наплечники из искусственной кожи, использовав для этой цели отходы производства, которые незаметно стащила из мусорных ящиков.

Будучи ребенком, еще не понимавшим, как на самом деле обстоят дела, до того как моего брата забрали, Хальфдан мечтал присоединиться к имперскому легиону и страстно увлекался всем, что имело отношение к боевым видам спорта – подобные интересы у людей нашего круга возникали редко и уж точно не поощрялись. Разумеется, с тех пор друг пересмотрел свои взгляды на этот предмет, его мечты развеялись как дым под давлением жестокой реальности с ее ужасающими жертвами, неотделимыми от жизни солдата. Впрочем, Хальфдан никогда не терял вкус к фехтованию и посвящал своему увлечению любую свободную минуту – разумеется, тайком, под защитой стен кузницы.

Приятель и меня пытался научить этому искусству, но поначалу я восприняла его затею довольно неохотно, а потом втянулась и в итоге полюбила ощущение силы, которую давало мне умение владеть оружием...

Постепенно я поняла: наши тренировки помогают мне обузывать зреющий в душе гнев. Еще я обнаружила, что у меня талант и что благодаря скорости и хитрости мне порой удастся одерживать верх над грубой силой моего лучшего друга.

Я ни за что не признала бы этого вслух, но порой я даже воображала, что если буду упорно тренироваться, то в один прекрасный день смогу бросить вызов Тени и наконец-то прикончу его, отомстив таким образом за свою семью. Конечно, принимая во внимание сверхпрочные доспехи Первого Палача императора, его меч из зачарованного металла, сверхъестественные способности и отряд неизменно сопровождавших его солдат, этим планам суждено было остаться безумной мечтой...

Облачившись в самодельные доспехи, мы с Хальфданом взяли в руки мечи и принялись фехтовать, прикрываясь круглыми щитами – их Хальфдан сделал по картинке, найденной в книге моего отца.

– Ну что, пустомеля, ты задашь мне обещанную взбучку сегодня или завтра? – насмешливо поинтересовался лучший друг.

Его губы растянулись в самоуверенной улыбке.

Я оскалила зубы в усмешке, делая вид, что его подколки меня ничуть не трогают. Потом внезапно бросилась в атаку, застав Хальфдана врасплох. В последний момент он увернулся от моего меча, но устоял на ногах. Мы стали кружить на месте, то и дело обмениваясь ударами, но по-настоящему не уставали. Игра пошла по-крупному, когда Хальфдан коварно попытался меня обезоружить.

Я чуть не выпустила рукоять своего меча, перекатилась по земле и снова крепко сжала оружие, после чего одним прыжком вскочила и обрушила на противника град ударов.

Хальфдан методично отражал мои атаки, позволяя мне изматывать себя. Я сделала вид, что открылась, и он проглотил наживку. Друг поспешил нанести, как ему казалось, решающий удар, но я присела, уклоняясь от его меча, и, воспользовавшись возможностью, резко ударила соперника по икрам, вложив в удар всю силу.

Хальфдан смешно хрюкнул от боли и повалился на спину, а я, встав на колени, нависла над ним и приставила к его горлу клинок.

– Сказано – сделано, дружище, – хвастливо заявила я, внутренне ликуя. – Напомни-ка, это моя шестая победа или уже седьмая? Однако шутики в сторону: надеюсь, я не причинила тебе вреда...

– Не мечтай, фитюлька, – прорычал друг, приподнимаясь на локте, и с нескрываемым раздражением оттолкнул мой меч. – И это всего лишь пятый раз, так что не очень-то задавайся. К тому же ты победила в нечестной борьбе...

– Еще бы, я же свалила наземь груды мышц вдвое тяжелее себя самой!

Хальфдан поморщился и даже перестал подшучивать надо мной, у него вдруг сделался в высшей степени пристыженный вид. Он тяжело вздохнул, закрыл глаза и прошептал:

– У меня больше не получается концентрироваться так, как раньше, Сефиза. Слишком долго это длится, и мне все труднее сдерживаться. Ты должна знать: Ольда была права, у меня действительно к тебе... чувства.

Сначала я решила, что это коварная уловка для отвлечения внимания, и уже хотела снова направить на друга оружие, однако Хальфдан не двигался, и тогда я замерла, захлопав глазами от изумления.

Время словно замедлило свой бег.

Хальфдан медленно поднял руку, провел кончиками пальцев по моей шее и погладил меня по волосам.

Оглушенная его словами, я молча наблюдала, как лицо друга опасно приближается к моему лицу. А потом Хальфдан прижался губами к моим губам тяжелым влажным поцелуем и наши прерывистые после фехтования дыхания перемешались. Затем он слегка отстранился и посмотрел на меня, очевидно, ожидая какого-то ответа.

А мне было нечего сказать.

В голове звенела пустота.

Я совершенно растерялась, потому что привычный мир только что обрушился.

Дверь в комнату с громким стуком распахнулась, и мы поспешно вскочили и отступили друг от друга на благопристойное расстояние. Стоявший на пороге крепкий, коренастый Лотар обжег нас яростным взглядом. Он выглядел взбешенным до крайности и, кажется, не догадался о том, что только что произошло между мной и Хальфданом.

– Безмозглый мальчишка! – воскликнул он, обвиняюще наставляя на сына указательный палец. Его длинная, светлая с проседью борода, украшенная многочисленными металлическими колечками, тряслась от гнева. – Ты можешь мне объяснить, как работа твоей матери вдруг оказалась в руках одной из Весталок Тумана?!

Глава 9

Верлен

Раздраженно вздохнув, я перевернул последнюю хрупкую страницу и закрыл книгу в ветхом кожаном переплете, которую только что прочел. Затем положил старинный томик на стол из красного мрамора рядом со стопой других книг – я рассчитывал изучить их до конца дня.

– Не унывай, Верлен, – тихо прошелестела мать, не поднимая глаз от вышивки. Она сидела в большом кресле напротив меня.

Справедливое замечание, и все же я не мог сдержать раздражение. Когда одиночество становилось совсем уж невыносимо, я неизменно вызывал мать. Это настолько вошло у меня в привычку, что порой я делал это машинально, даже не задумываясь...

– Эти реликты совершенно бессвязны, – пожаловался я, потер лоб ладонью и уперся локтем в мягкое, обтянутое бархатом сиденье кресла. – Заумные разглагольствования старых дураков. Как подобный мир вообще мог существовать? Где на протяжении всех этих столетий были боги – настоящие, а не те абстрактные химеры, имена которых так часто здесь упоминаются? Почему имена богов, входящих в Пантеон, появляются лишь в древних причудливых легендах? Полная бессмыслица...

– Здесь собраны все знания человечества... Я была бы так счастлива, если бы при жизни имела доступ ко всем этим сокровищам. Не стоит недооценивать пользу знаний, твой разум нуждается в этой пище.

В отличие от моих братьев и сестер – а также всех остальных богов Империи – я появился на свет, не обладая врожденным всеведением. Мне приходилось учиться без передышки, чтобы иметь возможность когда-нибудь хотя бы попытаться поме?риться интеллектом даже с самым тупым из богов. Оставалась всего одна проблема: лишь человеческие знания фиксировались в письменной форме, а получить божественную мудрость не так-то просто, ведь ею боги наделены от природы.

– Ну надо же! Мне мерещится, или мой сын действительно начал разговаривать с самим собой?

Я резко вскочил и обернулся: передо мной возвышался неслышно вошедший в библиотеку Орион.

– Отец... нет... я... – забормотал я, стыдясь того, что меня застали врасплох. Потом нехотя признал: – Возможно, так и есть.

Я бросил быстрый взгляд на мать и мысленно приказал ей исчезнуть. Она поджала губы, помедлила мгновение, раздосадованная тем, что я заставляю ее уйти. Потом, повинувшись моему безмолвному толчку, ее образ померк и полностью

развеялся.

Отец проследил за моим взглядом, он несколько секунд вглядывался в пустое кресло, затем озадаченно сдвинул брови.

– Очевидно, тебе нужен отдых, – проговорил он своим низким глубоким голосом. – В последнее время ты слишком загоняешь себя, ты ведь это знаешь, не так ли? Ты изнуряешь себя, задаваясь неправильными вопросами, хотя все ответы, что ты ищешь, уже находятся в тебе, спрятаны в самой изначальной части твоего сознания. Когда же ты это поймешь?

Я не смог сдержаться, наверняка на моем лице проступила растерянность. Я чувствовал огорчение пополам со злостью, потому что так и не смог оправдать отцовские ожидания.

Отец по-прежнему полагал, будто я наделен теми же необыкновенными способностями, что и десять его старших детей, в то время как сам я болезненно осознавал свою ограниченность, обусловленную слабостью человеческой природы – как ни крути, она составляла половину моего существа.

Отец подошел и наклонился ко мне, нависнув надо мной всей своей внушительной фигурой; его длинные, отливающие серебром волосы струились по плечам, словно шелковые нити. Величественные крылья цвета перламутра были сложены у него за спиной, золотистые глаза пристально меня изучали. На миг золотые прожилки на его белом, словно высеченном из мрамора лице заискрились сильнее. Отец протянул ко мне руку, потом пошевелил большими пальцами, оканчивающимися золотыми когтями, плавно указал вверх и уже в который раз произнес:

– Если бы только ты немного опустил стены, которые воздвиг вокруг своего разума, я смог бы помочь тебе изгнать горечь и боль, постоянно грызущие твое сердце, и направил бы тебя, дал бы ключи к пониманию, приобрести которые ты так жаждешь. Эти пыльные книги – всего лишь старые музейные экспонаты, а приведенные в них истории искажены надуманным контекстом, зажатые в рамки неизбежно субъективной и ошибочной точки зрения. Эти лживые картинки совершенно не отражают ту эпоху. Боюсь, из этих книг ты не извлечешь ничего полезного, дитя мое.

Я отвернулся, не в силах сделать то, чего требовал от меня отец.

С самого раннего детства Орион упрекал меня за мысленные преграды, которые я возвел между нами, однако я вообще их не ощущал, а значит, совершенно не мог ими управлять...

Отцу это было прекрасно известно. Тем не менее он периодически пытался прорваться через этот барьер, мешавший ему читать мои мысли. Занятие столь же бесполезное, сколь и болезненное, и я уже давно скрепя сердце терпел его попытки проникнуть в мой разум.

Я отвел глаза, рассеянно окинул взглядом зал и шесть сходящихся в нем галерей.

– По крайней мере на земле остался еще хоть один человек, для которого Библиотека веков представляет хоть какой-то интерес...

Если не считать моих постоянных приходов и уходов, эти просторные залы, заставленные шкафами, в которых хранились сотни тысяч книг, большую часть времени оставались пустынными. Как печально. Зато в мире не было другого такого места. Очень немногие дворцы в Империи могли похвастаться тем, что собрали в своих стенах более тридцати книг – за прошедшие века эти вещи стали чрезвычайно редки. Лишь в Соборе Вечности имелась такая богатая коллекция, неслыханное изобилие написанных людьми текстов...

Император подошел к одному из огромных кресел, что стояли в разных частях библиотеки, и уселся в него, взмахом руки предложив мне устроиться в том, которое я занимал до его прихода. Я молча повиновался, спрашивая себя, не собирается ли отец предпринять очередную попытку ментального взлома моего разума.

– Я узнал о случившемся вчера ночью, – пояснил он наконец. – Я в курсе вашей с Гефестом вчерашней ссоры и ее удручающих последствий.

Я опустил голову, чувствуя, как в горле встает ком; мне вдруг стало не по себе.

– Простите меня, отец. Я не желал смерти трех этих людей...

- Ты уже освободил их души?

В моей памяти вновь встала вчерашняя сцена. Я тяжело сглотнул, потом пробормотал, против воли кривясь от отвращения:

- Сразу же, как только смог. Незадолго до рассвета.

- В этом происшествии виноват твой брат, а не ты. Не думай, что мне это неведомо. Ты тот, кто ты есть, Верлен, ты именно такой, как мне хотелось. Посему прекрати ненавидеть себя, прошу.

Я почувствовал, как часть моих сил покидает меня под воздействием высказанной напрямик правды. Я устал бороться с собой, устал преодолевать сомнения, но собрал волю в кулак и постарался справиться с нараставшими в душе тревогой и отвращением.

- Я не...

Слова умерли, не успев сорваться с моих губ. Бесполезно отрицать очевидное. Пусть Орион не может читать мои мысли, но оказалось, что я не способен ему лгать.

- Я ненавижу только свою человеческую сущность, - решил признаться я. - Ту, что делает меня слабым. Которая вызывает у меня тошноту, потому что мешает принять божественную суть, заложенную в моем организме, и которая искажает мои мысли, ослепляет меня этой примитивной ненавистью, свойственной людям, и мучает меня такими сомнениями и вопросами, что я теряю разум.

Орион слегка покачал головой, явно не до конца удовлетворенный моим признанием.

- Мне даже не нужно прибегать к своим божественным способностям, чтобы догадаться, какое омерзение у тебя вызывают собственные уникальные способности.

Только это божественное наследство и отличало меня от людей: священная сверхъестественная способность, проявляющаяся у каждого бога по-разному; в

моем случае это стало своего рода проклятием...

Я провел рукой по лбу, все больше и больше смущаясь, загнанный в тупик собственной противоречивой натурой.

- Как я мог...

- Твой дар самый важный, Верлен! - сухо перебил меня отец, ударяя кулаком по подлокотнику кресла. Он направил на меня указательный палец и добавил: - Ты прав в одном: все твои мучения - это результат того, что в тебе еще остались человеческие черты. Ты должен любой ценой бороться с этой вредной половиной твоего существа и уничтожить ее раз и навсегда! Тебе не нужно рассуждать об этих способностях. Ты бог, мой сын, и придет время, когда ты осознаешь это всем сердцем. Мне нужны твои выдающиеся способности, чтобы успешно завершить божественный замысел. Тебе отведена высшая роль в великой Паутине времени. Вскоре я объявлю о твоем существовании всем людям, и ты займешь свое место в Пантеоне, как твои братья и сестры.

Я машинально кивнул, на деле не испытывая ни капли энтузиазма. Казалось бы, сама эта идея должна преисполнить меня радостью. Признание других богов всегда казалось мне совершенно недостижимым, а их явное, почти неприкрытое презрение очень часто глубоко меня ранило. Однако обещания славы, внимания и уважения оставили меня совершенно равнодушным.

Я не понимал, почему цель, которую я перед собой поставил много лет назад, больше не кажется мне столь важной. Возможно, дело было в том, что блеск награды мерк по мере того как я узнавал, какую цену мне придется заплатить, чтобы ее удостоиться...

- Кстати, Эвридика сейчас гуляет в Последнем саду, - продолжал отец более мирным тоном. - Она надеялась встретить там тебя.

Очевидно, Эвридика плохо меня знает, потому что - за исключением тех особенных моментов, когда обстоятельства вынуждали меня там находиться, - я старался избегать этой гигантской, зажатой в самом сердце Собора оранжереи, этого последнего островка навеки потерянной природы.

– Эвридика там одна, – уточнил отец, постукивая длинными золотыми когтями по обитому бархатом креслу. – На этот раз она позаботилась о том, чтобы свита ее не сопровождала. Было бы славно, если бы ты к ней присоединился. Если вы проведете немного времени вместе, это пойдет на пользу вам обоим, не находишь?

Я глубоко вздохнул и откинулся на спинку сиденья, меня охватило смущение иного рода. Я переплел пальцы, пытаюсь скрыть замешательство, и осторожно заметил:

– Честно говоря, мне кажется, мы что-то упускаем. Возможно, следовало бы подождать еще год или два?

Орион подался вперед и внимательно поглядел мне в глаза, на его лице мало-помалу проступала досада.

– Ты же знаешь, как нам повезло получить такую возможность, не так ли? Как непросто было, учитывая твою особенность, убедить богиню, к тому же не последнюю по важности в королевстве, не много не мало, одну из твоих сестер. Верлен, до сих пор ты ни разу меня не разочаровал, так что не стоит начинать делать это сейчас.

Отец ожидал, что я женюсь на одной из богинь Пантеона, Эвридике – поскольку она единственная на это согласилась, – и надеялся, что от этого странного союза родятся новые боги.

Мне было всего восемнадцать, я с трудом видел себя частью грандиозного отцовского плана и едва ли мог осмыслить, что на мои хилые, шаткие плечи возложена ответственность за будущее целой расы...

Вот уже более тысячи лет ни один из старших богов – а остальные в любом случае были стерильны – не мог зачать. Больше тысячи лет Орион искал решение этой неразрешимой проблемы. В конце концов он настолько отчаялся, что перешел последнюю грань и прибегнул к самому кощунственному способу из всех возможных: межвидовому скрещиванию.

Я появился на свет в результате запретной богопротивной связи, полностью противоречащей природе. Меня породили в глубочайшей тайне и стыде

специально для того, чтобы разрешить ужасный кризис, обрушившийся на сообщество богов – число его представителей равнялось девяноста семи, после того как на свет появился Сехмет, самый молодой из них.

Я знал, что Эвридика не питает ко мне теплых чувств. Всего несколько месяцев назад она обращалась со мной ничуть не лучше, чем прочие мои братья и сестры, а потом Орион открыл ей истинную цель моего зачатия. Просто-напросто у нее, очевидно, желание иметь детей оказалось сильнее, чем у всех остальных...

– Влечение, как и чувства, свойственны исключительно людям, Верлен, – пояснил отец. Он пожал плечами, как бы показывая, что мы имеем дело с неизбежным злом. – Не нужно стремиться ни к тому, ни к другому. Ты один из нас, и тебе нет никакой необходимости испытывать столь низменные инстинкты, чтобы консумировать[4 - Консумация – одна из составляющих брачного союза, суть которой заключается в первом осуществлении плотских брачных отношений (вступление в интимную связь).] союз, ради которого ты был рожден. Впрочем, если тебе захочется попробовать такого рода удовольствия, знай: я ни в коем случае не стану тебя упрекать. Возможно, прежде чем полностью искоренить в себе человеческие черты, тебе стоит получше изучить их наиболее архаичные аспекты? В конце концов, разве сами люди не писали, что нужно поддаваться своим неосознанным стремлениям, чтобы было проще от них избавляться? Я мог бы привести во дворец несколько наиболее привлекательных женских особей Пепельной Луны, чтобы ты...

Я поспешно вскочил, страстно желая закончить этот разговор.

– Благодарю вас, но в этом нет никакой нужды. К тому же это было бы против всех наших законов...

– Законы устанавливаю я, не забывай об этом, сын. И потом, ты лишь наполовину попадаешь под их действие. Тебе придется подчиняться общепринятым правилам лишь до тех пор, пока ты не войдешь в число богов Пантеона. А тем временем ничто не мешает тебе заводить любовниц и наслаждаться последними месяцами холостой жизни, пока дата свадьбы остается неизменной.

Я кашлянул: Орион связал мне руки. При мысли о том, что отец приписывает мне столь низменные устремления, меня охватил гнев пополам со стыдом. Я ответил

гораздо более напряженным тоном, чем хотел:

– Я никогда не откажусь от устроенной вами помолвки. Ваши решения – это и мои решения, Ваше Величество. Вы ведь знаете, я стараюсь служить вам как можно лучше и во что бы то ни стало исполню любой ваш приказ.

– Да, знаю. Ты самый преданный из моих детей.

Слова отца прозвучали не как похвала, а как простая констатация факта. А ведь я приложил столько усилий, чтобы оправдать его ожидания...

– Я немедленно пойду в сад и встречу с Эвридикой.

– Прекрасно, – проговорил отец, наблюдая, как я быстро иду через зал к лестнице.

Глава 10

Верлен

Я почти бегом спускался по лестнице, совершенно сбитый с толку странными предложениями отца. Он постоянно твердил, что считает меня равным остальным богам, что мои недостатки не так уж и важны и что мое происхождение ничуть не умаляет моей важности в его глазах – по его словам, я такой же, как его первые десять детей. Очевидно, это не совсем так...

Разве отец только что не предложил мне нырнуть на самое дно моей человеческой натуры? Разве он не посоветовал мне отдаться на волю изменчивым страстям, вместо того чтобы стараться их изжить и подавить, как я делал всегда?

Разумеется, конечная цель осталась неизменной: мне следовало бороться с этими досаждавшими мне слабостями, дабы так или иначе избавиться от них навсегда. Однако эта простая идея мне претила. Предложение отца шло вразрез со всеми принципами, которых я до сих пор придерживался, и противоречило

всем прошлым наставлениям, что так часто давал мне Орион...

Даже если порой мною овладевали горечь, одиночество, сомнения и гнев, в моей душе еще никогда не прорастали побеги прочих зол и искушений, типичных для гнусной человеческой природы, составлявшей часть меня. Я не знал ни чувств, ни желаний и совершенно не был склонен их испытывать.

Нет, я определенно выше всех этих низменных поползновений, и, раз уж возникла такая необходимость, я докажу это отцу.

Я много лет вел внутреннюю борьбу и должен окончательно искоренить в себе человека, ведь я поклялся, что сделаю это...

Я заметил двух своих братьев – они стояли в коридоре и беседовали – и едва не свернул в сторону, чтобы пойти другой дорогой. Секунду колебался, поскольку на собственном горьком опыте убедился, что лучше по возможности избегать столкновений со старшими родственниками. В конце концов я все же решил продолжить путь и зашагал дальше по галерее. Я и так уже изрядно припозднился, если не поторопиться, велика вероятность разминуться с Эвридикой.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Отрывок из сборника «Забытые ариетты» Поля Верлена.

2

Промежуток, пустое пространство, отверстие. Чаще всего употребляется для обозначения провалов в памяти или в сознании.

3

О человеке маленького роста или очень худеньком.

4

Консумация – одна из составляющих брачного союза, суть которой заключается в первом осуществлении плотских брачных отношений (вступление в интимную связь).

Купить: https://tellnovel.com/ru/kal-dera_zhorzhiya/sad-slomlennyh-dush

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)